

ЗАПИСКИ

1814 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

(Издание Книгопродавца И. Заикина.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографии ДЕПАРТАМЕНТА ВЪНШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1 8 3 1 года.

ЗАПИСКИ

1814 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

(Издание Книгопродавца И. Заикина.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографии ДЕПАРТАМЕНТА ВЪНШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1 8 3 1 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чшобы, по отпечатаніи, предспав-
лены были въ Цензурный Комитетъ при эк-
земплара. Маія 20, 1851.

Цензоръ О. Сенковскій.

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

ТУРГЕНЕВУ,

**въ память знакомства, сдѣланнаго въ сраженіи
подъ Дрезденомъ.**

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Представляемое здѣсь описаніе нѣкопорыхъ происшествій, случившихся въ 1814 году, со времени перехода Россійской арміи черезъ Рейнъ, доведено до окончанія Вѣнскаго Конгреса весною 1815 года, съ пѣмъ намѣреніемъ, чпобы связать сіе сочиненіе съ изданными за два мѣсяца *Воспоминаніями*, начинающимся со дня опъѣзда изъ Вѣны.

Г Л А В А I.

Приказы Наполеона и Александра. — Начало похода. — О Франціи. — Сраженіе при Бриенѣ. — Бриенской замокъ. — Различныя направленія армій. — Движеніе Наполеона на Сентъ-Дизіе. — Перехваченная почта. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе идти на Парижъ.

При началѣ каждаго похода главные предводители обращающія обыкновенно къ войскамъ своимъ въ приказахъ, излагая въ оныхъ въ нѣсколькихъ очеркахъ правила, на копорыхъ предпринимаемый походъ долженъ быть основанъ. Таковыя приказы суть испорическіе памятники, посвященныя на себѣ оппечатокъ образа мыслей верховныхъ вождей, а попому кажется не излишнимъ помѣстить здѣсь для сравненія приказъ Наполеона, коимъ онъ возвысилъ армию своей о войнѣ съ Россією и таковой къ Александра, оп-

данный за нѣсколько дней до вступленія нашего во Францію :

»Солдапы, говоритъ Наполсонъ, Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться! Неужели почиаетъ она на насъ перемѣнившимся? Развѣ мы не пѣ же войны, которые сражались подъ Аусперлицомъ? Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ предѣлы Россіи: война сія прославитъ оружіе Французское и миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пагубному вліянію Россіи на дѣла Европы.»

Послушаемъ теперь слова А л е к с а н д р а :

»Воины! мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, всступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили опечетство свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Оспается увѣнчанъ великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительсва своего властію и законами благополучно! да процвѣта-

»юпть въ каждой землѣ, ко всеобщему бла-
 »годенствію народовъ, вѣра, языкъ, нау-
 »ки, художества и торговля! Сіе есть
 »намѣреніе наше, а непродолженіе брани
 »и разоренія. Непрїятели, вступя въ сре-
 »дину царства нашего, нанесли намъ мно-
 »го зла, но и пресперпѣли за оное спраш-
 »ную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ.
 »Не уподобимся имъ: челоуколюбивому
 »Богу не можеть бысть угодно безчело-
 »увѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; по-
 »песемъ къ нимъ не месемъ и злобу, но
 »дружелюбіе и преспершую для прими-
 »ренія руку.»

Перваго Генваря назначено было со-
 юзнымъ арміямъ въ разныхъ мѣстахъ пе-
 реходить Рейнъ. Главная армія, при коей
 находился Государь, переправилась у Ба-
 зеля, и громогласное ура! произносимо
 было войсками на мосту, ведущемъ чрезъ
 сію рѣку. Походъ во Францію былъ не-
 обходимъ для достиженія прочнаго мира:
 къ тому же Государь полагалъ, что
 честь Россіи непремѣнно пребовала во-
 дружить знамена свои въ Парижѣ. Мысли
 на Везуль, Лангръ, Шомонъ и Баръ-на-
 Оби, не встрѣчая почти нигдѣ сопроти-
 вленія, и въ три недѣли заняли нѣсколько
 провинцій. Непрїятельскія войска повсю-

*

ду отступали и жипели, коихъ Префекты пышными воззваніями возбуждали къ оборонѣ, отворяли безпрекословно городскія вороша. Дожди, снѣгъ, опшпели и морозы, содѣлывая переходы затруднительными, не останавливали однакоже слѣдованія войскъ; хотя нѣкоторые изъ союзниковъ и желали, чпобы мы шли медленнѣе, но Государь, съ обыкновенною своею дѣятельностію, подвигалъ ихъ безпрестанно впередъ, часто пропивъ воли ихъ. Опъ и въ семъ походѣ былъ споль же веселъ, какъ и въ предъидущемъ; я рѣдко его видалъ послѣ въ путешеспвіяхъ и во дворцахъ въ полъ пріятномъ расположеніи духа, каковос Онъ показывалъ на войнѣ. Пріучивъ себя съ молодыхъ лѣтъ переносить непосредливо стихій, Онъ большею частію бхалъ верхомъ и, по обыкновенію Своему, былъ одѣтъ лучше всѣхъ; казалось, чпо Онъ находился не на войнѣ, но на какомъ нибудь праздникѣ. Болѣе, чѣмъ непогоды, обуревало насъ разногласіе на счепъ военныхъ дѣйствій, происходившее по временамъ между союзными арміями. Единственно присупствіе Александра, Который будучи главою союза, всѣмъ спарался угождать, не рѣдко съ самооп-

верженіемъ всякой личности, посредствомъ чего склонялъ всѣхъ на Свое мнѣніе, содѣлало не токмо возможными успѣхи сего разнонароднаго ополченія, но избавило опть погибели арміи, копорыя безъ него конечно пали бы жертвою своихъ несогласій. Сколько разъ случалось, когда привозили ночью важныя донесенія, что Онъ, пренебрегая сномъ, вспавалъ и, предшесвуемый кѣмъ нибудь съ фонаремъ, ходилъ въ ненаспную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ союзнымъ Монархамъ, или даже къ Князю Шварценбергу, будилъ ихъ и, сядя на ихъ кровать, чипалъ имъ донесенія и условливался съ ними о мѣрахъ, копорыя предпринимать надлежало. Слѣдующій анекдотъ покажетъ, съ какими затрудненіями положеніе Его было сопряжено. Поупру 9-го Марпа, часа за два до нападенія на непріятеля подъ Арсисомъ, когда армія спояла уже въ боевомъ порядкѣ, Государь, окруженный обыкновенною Своею свитою, ходилъ по полю взадъ и впередъ съ Фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли и, говоря о нѣкопорыхъ союзникахъ, сказалъ громко слѣдующія слова, шѣмъ болѣе примѣчательныя, что Онъ не часто обнаруживалъ то, что проис-

дило въ душѣ Его: »Эти господа сдѣлали мнѣ много сѣдыхъ волосъ.«

Квартиры наши во Франціи были самыя невыгодныя; дома Французовъ спрося не для зимы, а для лѣта, и попому холодъ въ горницахъ ихъ былъ для насъ, привыкшихъ къ теплу, весьма чувствительнъ, особенно же когда приходилоя живаць въ креспьянскихъ избахъ. Вообразите огромный покой и во всю спѣну онаго каминь, въ копоромъ разложенъ огонь, поддерживаемый премо или чешырьма сырими полѣнами, дающими нѣкопорое пламя, но вовсе не согрѣвающими воздуха; городскіе дома были содержимы въ опврапительной неопряпности. Жипелей мы нашли на несравненно низшей степеней образованности, нежели Нѣмцовъ, а попому удивленіе многихъ нашихъ офицеровъ, падѣвшихся, по внушеніямъ своихъ иностранныхъ наспавниковъ, найпи во Франціи нѣкопорую обѣпованную землю, было неописанно, при видѣ повсемѣспныхъ въ деревняхъ и въ городахъ бѣдности, невѣжества и упынїя. Французы ходили съ пошупленнымъ, мрачнымъ взоромъ; при нашемъ нашествіи они не знали, радоваться ли имъ или печались, несемъ ли мы съ

собою окончаніе ихъ бѣдспвіямъ или продолжимъ еще надолго злополучія ихъ : но они видѣли въ ономъ временное зло, ибо при всей строгой подчиненности, соблюдаемой войсками, за которою Государь надзиралъ самымъ бдительнымъ окомъ, невозможно было предупредить разнаго рода опягощеній для обывателей.

По прибытіи въ Баръ-на-Оби, 19-го Января, узнали, что Фельдмаршалъ Блюхеръ, переправившійся черезъ Рейнъ съ Силезскою арміею въ Мангеймъ и прішедшій къ рѣкѣ Марнъ чрезъ Нанси, имѣлъ за нѣсколько дней жаркое дѣло при Бриенѣ; почему Государь рѣшился на другой день, соединя главную армію съ Силезскою, напасть на непріятеля. Это было первое генеральное сраженіе во Франціи, во время коего Государь находился на высотахъ при Траннѣ, откуда можно было обзрѣвать всѣ движенія войскъ. Побѣда была совершенная и могла бы имѣть послѣдствіемъ взятіе Парижа, ежели бы, по одержаніи оной, главная и Силезская арміи пошли совокупными силами прямо на сію столицу вмѣсто того, что онѣ послѣ сраженія, надѣясь на великое превосходство свое въ числѣ, въ сравненіи съ непріятелемъ, раздѣлилися, и Блюхеръ

направился къ Марнѣ, а главная армія къ Труа. Малочисленность непріятеля явно обнаружилась при Бріенѣ; Франція оставила вознесшаго ее на верьхъ славы Наполеона въ такое время, когда щастіе переспало ему улыбающься; онъ обратился къ народу, приказывалъ крестьянамъ при появленіи союзниковъ, представляемыхъ имъ въ видѣ грабителей, бить въ набашь, ломать мосты и претовалъ всеобщаго возстанія, но никто не отвѣчалъ на голосъ его, исчезавшій какъ бы посреди пустыни.

На другой день послѣ сраженія Бріенскій замокъ и его окрестности, увѣковѣченные пребываніемъ въ оныхъ Наполеона въ дѣйствіе его, представляли картину совершеннаго разрушенія. Въ замкѣ находилась прекрасная библіотека и кабинетъ по части естественной Исторіи, на пополкѣ коего висѣлъ крокодилъ. Кому-то пришла мысль перерубить веревки, копорыми оный былъ прикрѣпленъ, и паденіе огромнаго Африканскаго звѣря на шкафы, въ копорыхъ за стеклами хранились раковины и ископаемыя, произвело ужасный шрескъ. Хохотъ, сопровождавшій сіе паденіе, сокрушившее драгоценное собраніе рѣдкостей, подобенъ

былъ хохоту Канибаловъ; но явленіе сего рода неразлучны съ войною. Въ нѣкопорыхъ комнапахъ видны были еще свѣжіе слѣды обывателей замка; на одномъ столѣ лежали женскія рукодѣлія: тупь я встрѣпилъ Фельдмаршала Блюхера, съ прудомъ державшагося на ногахъ.

Едва главная армія прибыла въ Труа, а Силезская къ брегамъ Марны, какъ геній Наполеона, казавшійся съ самаго начала сего похода усыпленнымъ, пробудился и воспріялъ блескъ Италійскихъ войнъ его. Съ горстью войскъ онъ появлялся съ удивительною быстротою по всюду, гдѣ была возможность одержать поверхность, и оспанавливалъ движенія многочисленныхъ союзныхъ армій, нападая на слабѣйшія часпи ихъ. Успѣхи, имъ пріобрѣтенные, заславили главную армію даже отступивъ отъ Труа и пошомъ дѣлавъ разныя движенія, чшобы вновь соединиться съ Блюхеромъ, коего войска потерпѣли нѣсколько пораженій. Въ семь прошелъ весь Февраль мѣсяць, равно какъ и въ совѣщаніяхъ Шампильонскаго Конгресса. Въ первыхъ числахъ Марша главная армія предприняла наконецъ наступательныя дѣйствія и явилась предъ Арисомъ. Здѣсь въ послѣдній разъ Напо-

леонъ и Александръ встрѣпилися на полѣ сраженія, и первый, истощивъ всѣ усилія, долженъ былъ опешупить; онъ убѣдился въ невозможности далѣе противустоять силамъ Александра и рѣшился произвести одно изъ самыхъ отважныхъ движеній, которое однакоже не токмо не было сопровождено желаннымъ успѣхомъ, но положило предѣлъ поприщу его, исполненному чудесныхъ происшествій, и привело насъ въ Парижъ, а пошому заслуживаетъ подробнаго изложенія.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ во время сраженія при Арсисъ-на-Оби, и по донесеніямъ легкихъ опрядовъ, обнаружилось, что Наполеонъ, опешупая, взявъ направленіе къ Випри и, опрядивъ Маршала Нея для завладѣнія симъ городомъ, занятымъ союзными войсками, самъ переправился чрезъ Марну и поплылся къ Сенъ-Дизіе, чтобы дѣйствовать въ пылу союзниковъ, и пѣмъ заставишь ихъ опешупить къ Шомону и далѣе. Основываясь на сихъ извѣстіяхъ, Князь Шварценбергъ принялъ намѣреніе слѣдовать со всюю арміею за Наполеономъ, соединяся предварительно съ находившимся въ Шалонъ Блюхеромъ, которому для сего и велѣно было немедленно

идти по направленію къ Випри, а главная армія выступила въ десять часовъ вечера къ деревнѣ Сомпью. Въ часъ по полуночи сдѣлали въ селеніи Дампьеръ привалъ, во время котораго привезли перехваченную непріятельскую почту; при распечатаніи оной были Князь Шварценбергъ, К. В** и Штабсъ-Секретарь Графъ Н**. Между бумагами находилось собственноручное письмо Наполеона къ Императрицѣ Маріи-Луизѣ, въ которомъ онъ увѣрялъ ее, что движеніемъ своимъ на наши сообщенія удалилъ насъ отъ Парижа и, присоединивъ къ себѣ гарнизоны крѣпостей Меца и Вердена, разобьетъ насъ на берегахъ Рейна и принудитъ отступить за сію рѣку. По прочтеніи сего письма К. В** предложилъ, чтобы соединился съ Блюхеромъ, отрядить только сильный корпусъ за Наполеономъ, а всѣмъ войскамъ идти прямою дорогою на Парижъ, куда прибывъ въ пять маршей, можно завладѣть онымъ прежде, нежели узнаетъ о семъ Наполеонъ. Князь Шварценбергъ нашелъ сію мысль слишкомъ смѣлою и спросилъ о нашей коммуникаціонной линіи, на что К. В** отвѣчалъ, что имѣя при себѣ запасные парки, понпоны и продовольствіе на десять

дней, не нужно беспокоиться о сообщеніяхъ, ибо въ случаѣ неудачи можно учредить паковыя на Фландрію. Фельд-маршалъ возразилъ, что онъ не осмѣлился на подобное предпріятіе, безъ соизволенія на то Государя и Короля Прусскаго. Въ послѣдствіи оказалось, что онъ имѣлъ отъ своего двора тайное повелѣніе не переходить Сейны: сіе любопытное обстоятельство, во многихъ отношеніяхъ поясняющее происшествія сего похода, я слышалъ однажды изъ устъ Государя, Который присовокупилъ, что Князь Шварценбергъ самъ объ ономъ разсказывалъ Его Величеству на Вѣнскомъ Конгрессѣ.

Въ два часа ночи мы выступили изъ Дампіера къ Сомпью, гдѣ на разсвѣтѣ сдѣлали вѣпоричный привалъ. Князь Шварценбергъ понесъ къ Государю перехваченныя письма и, выходя, сказалъ, что Его Величество оспается при прежнемъ мнѣніи, то есть, чтобы соединясь съ Блюхеромъ у Випри, идти со всѣми силами за непріятелемъ и атаковать его тамъ, гдѣ наспигнемъ. Сказавъ сіе, онъ съѣлъ верхомъ и уѣхалъ, а Государь велѣлъ позвать къ себѣ Генераловъ: Барклая-де-Толли, К. В**, Д** и Т** и, объявивъ имъ о

содержаніи письма Наполеона къ супругѣ своей, присовокупилъ, что мы идемъ вслѣдъ за нимъ. Всѣ были сначала согласны съ симъ мнѣніемъ, выключая одного изъ присутствовавшихъ, которъ предложилъ, чтобы во время предпринимаемаго движенія приказать Прусскому Генералу Бюлову, сполвшему близъ Сенкантена, сдѣлать покушеніе на Парижъ. На сіе К. В** возразилъ слѣдующее: »Извѣстно, что въ Парижѣ находится сорокъ тысячъ національной гвардіи и ошпапки отъ разныхъ полковъ и, что сверхъ того недалеко отъ сей столицы расположены два корпуса Маршаловъ Морпье и Мармона. Всѣ сіи войска вмѣстѣ составляютъ девяносто тысячъ человѣкъ; слѣдовательно нельзя надѣяться, чтобы Бюловъ съ придцатью тысячами могъ предпринять что-либо важное, и онъ подвергается даже опасности, имѣя дѣло съ превосходнымъ въ числѣ непріателемъ. Къ тому же, идучи за Наполеономъ, мы должны сосланишь сильный аріергардъ для опраженія корпусовъ помянутыхъ Маршаловъ; почему я предлагаю соединиться съ Силезскою армією и опрядить за Наполеономъ значительный корпусъ конницы и нѣсколь-

» ко полковъ пѣхоты, приказавъ для большаго удостовѣренія, что будшо мы за ними идемъ съ арміею, заготовляя въездѣ кварширы для Государя; самимъ же намъ направившись прямо на Парижъ чрезъ Феръ - Шампенуазъ, а Блюхеру чрезъ Эпожъ, имѣя между собою безпрерывное сообщеніе. Слѣдуя такимъ образомъ мы должны атаковать Маршаловъ Моршье и Мармона, гдѣ бы они съ нами ни повстрѣчались; мы ихъ разобъемъ, потому что вездѣ будемъ въ превосходныхъ противу нихъ силахъ, а съ Наполеономъ мы будемъ расходиться каждый день на два марша.»

Мнѣніе сіе было одобрено и Государь поѣхалъ поспѣшь за Княземъ Шварценбергомъ, котораго наспигъ уже на высотахъ близъ Випри; съ нимъ находился Король Прусскій. Государь, пригласивъ ихъ сойти съ лошадей, объявилъ имъ о предложеніи К. В**, на которое они согласились и шутъ же на полѣ предписали Блюхеру идти на Эпожъ; войскамъ приказали оспановиться тамъ, гдѣ повелѣніе ихъ наспигнетъ, а Генерала Винценгероде опрядили съ 14-ю тысячами конницы, бригадою егерей и двумя легкими опрядами къ Сентъ - Дизіе. Въ

этого день, дабы непріятелей ввести болѣе въ обманъ, Государь расположился для ночлега въ Витри, а на слѣдующій мы пошли къ Феръ-Шампенуазу. Сей планъ надлежало нѣсколько времени хранить въ тайнѣ. Я никогда не забуду, какъ Генералъ Т**, по окончаніи совѣта, бывшаго въ Сомпью, сказалъ мнѣ на ухо: »Мы идемъ на Парижъ, но Бога ради не говори этого ни кому.« Сей же самый Генералъ первый извѣстилъ меня въ деревнѣ Филяхъ о намѣреніи сдать Москву!

Г Л А В А Ц.

МАРШЪ ОТЪ ВИТРИ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ ФЕРЪ-
ШАМПЕНУАЗЪ. — ПОДВИГЪ ГОСУДАРЯ. —
БѢЛЫЯ ПОВЯЗКИ. — ПРИВЛІЖЕНІЕ КЪ ПА-
РИЖУ. — НОЧЬ НАКАНУНЪ МОНМАРТРСКАГО
СРАЖЕНІЯ. — ПЕРЕГОВОРЩИКЪ. — СРАЖЕ-
НІЕ. — ПОСЛАННЫЕ ПАРИЖА.

Слѣдованіе арміи опть Витри къ Па-
рижу было истинно торжественное.
Погода во все время благопріятствовала
и мы обыкновенно высунули при пер-
выхъ лучахъ солнца. Государь, въ сопро-
вожденіи Прусскаго Короля, сыновей его,
Графа Плапова, Фельдмаршала Князя
Шварценберга, Англинскаго Посла Кап-
карпа, нѣсколько разъ въ день объѣзжалъ
гвардейскій и гренадерскій корпуса, при-
вѣщивалъ Генераловъ и полковыхъ на-
чальниковъ, которые всѣ почти были
Его воспитанники, ибо образовались въ
гвардіи предъ его глазами. Громкія и сер-

дечныя восклицанія: ура! барабанный бой и музыка возвѣщали прибытіе Его Величества къ каждому полку. Иногда Онтъ вѣзжалъ на возвышенія, лежація близъ дороги, и любовался густыми колоннами, распянутыми на неизмѣримомъ пространствѣ, поспѣшавшими къ довершенію великаго подвига. Вдали слышны были по временамъ выстрѣлы, извѣщавшіе о бѣгствѣ удалявшагося непріятеля и о быспромѣ его преслѣдованія. Австрійцы, Прусакы, Баварцы, Виртембергцы и Баденцы, идя по стопамъ Русскихъ, вѣрили съ трудомъ, что успѣхъ увѣчиваетъ смѣлое предпріятіе: усмращенные многолѣтними пораженіями, они думали, среди самыхъ побѣдъ, что непріятель разспавляется имъ съпи.

На претій день, по выступленіи изъ Випри, назначено было для главной квартыры мѣспечко Феръ-Шампенуазъ. Переходъ былъ великъ и цѣлой день продолжалася пушечная пальба, происходившая отъ нападенія на корпуса Маршаловъ Мармона и Мортье. Сраженіе утихло, когда мы пріѣхали въ Феръ-Шампенуазъ и, какъ положено было здѣсь ночевать, то многіе сошли съ лошадей и отправились въ назначенныя для нихъ дома. Вдругъ

послышались ружейные выстрѣлы, и Государь, сидѣвшій еще верхомъ, поскакалъ за деревню, въ сопровожденіи не болѣе чепырехъ или пяти человекъ. Мы увидѣли въ самомъ близкомъ-разстояніи нѣсколько на насъ шедшихъ кареевъ, коихъ появленіе было вовсе неожиданно, попому чпо въ направленіи, по которому шли кареи сіи, ни союзнымъ войскамъ, ни Французамъ идти не надлежало; недоумѣніе продолжалось не болѣе минуты, пока не убѣдились, чпо эпо почно неприятели, по выстрѣламъ, сдѣланнымъ ими по офицеру, посланному для удостовѣренія въ наспорящемъ положеніи дѣла. Близъ Государя не было никакихъ войскъ, кромѣ лейбъ-казачьяго полка, находившагося въ конвоѣ; за версту стояла конная артиллерія. Государь поспѣшью послалъ за пѣхопою и конницею, и въ поже время приказалъ орудія подвезши на карпечный выстрѣлъ, а казакамъ идти въ атаку, — Донцы понеслись съ обычною храбростію; вслѣдъ за ними ѣхалъ Александръ, и первый карей, не взирая на сильный ружейный огонь, былъ мгновенно смятъ.

Я приспально смотрѣлъ на Государя во время дѣйствія, или, лучше сказамъ,

не спускалъ съ Него глазъ, видя Его въ великой опасности; я не скажу, чпобы Онъ былъ совсѣмъ покоенъ, примѣпно было, чпо душа Его нѣсколько волновалась, но Онъ не измѣнялъ хладнокровію и съ спокойствіемъ распоряжался малымъ числомъ войскъ, подъ рукою находившихся. Я видѣлъ, какъ смерть носилась вокругъ Царя нашего и, какъ Онъ спюялъ побѣдипелемъ посреди непріятельскаго карея, котораго офицеры и солдаты бросали оружіе свое. Государь началъ говорить съ командовавшимъ непріятельскимъ Генераломъ Пакто, который въ отвѣпахъ своихъ называлъ Его Величество Генераломъ. »Вы говорите съ Императоромъ«, сказалъ я плѣнному военачальнику. — »Эпо невозможно«, отвѣчалъ онъ »вашъ Государь вѣрно не поидепъ лично въ атаку на пѣхоту съ одною конницею.« Императоръ, услыша нашъ разговоръ, приказалъ мнѣ не выводить Французскаго Генерала изъ заблужденія. Въ сіе время подоспѣла пѣхота Раевского и гусары Васильчикова, и въ самой скорости оспальные два карея были разспроены; при чемъ взято въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человекъ. Эпо были войска, шедшія изъ Парижа, подъ командою Генераловъ

•

Пакто и Аме, на подкрѣпленіе Наполеону, котораго они полагали близъ сихъ мѣстъ.

Во время сраженія при Феръ-Шампенуазѣ нѣкоторые изъ офицеровъ союзныхъ войскъ были убиты своими, отъ того, что не имѣли бѣлой повязки на лѣвой рукѣ. Сынъ Баварскаго Короля, Принцъ Карлъ, едва спасъ жизнь свою; казаки хотѣли изрубить его, но онъ успѣлъ поднявъ вверхъ бѣлый плапокъ и сею предосторожностію останоилъ смертельный ударъ. Съ Лейпцигскаго сраженія начали происходить недоразумѣнія между солдатами, которые, по соединеніи всѣхъ почти Европейскихъ войскъ подъ одни знамена, не узнавая другъ друга, иногда стрѣляли въ своихъ союзниковъ. Полки державъ Рейнскаго союза, образованные Французами, имѣли мундиры похожіе совершенно на Французскіе; по сему надобно было придумать какой-либо знакъ отличія для войскъ, сражавшихся совокупно, для избѣжанія вредныхъ послѣдствій, которыя бы могли безъ сего впредь возникнуть. По прибытіи въ Труа, Государь велѣлъ, чтобы Русскіе надѣли бѣлый плапокъ на лѣвую руку, каковому примѣру послѣдовали нѣкоторые изъ союзниковъ.

Уже прошли мы Сезаннъ, Ферпе-Гоше и Мо; оупъ сего города, разстояніемъ верстъ пятьдесять до Парижа, по обѣимъ сторонамъ дороги были богатыя селенія, прекрасныя сады и великолѣпныя замки, убранныя съ опмѣннымъ вкусомъ и заключающіе въ себѣ библіотеки и картинныя галлерей; но помѣщиковъ въ нихъ не было. 17-го Марта по полудни авангардъ нашъ наспигъ непріятеля, началось сраженіе, и Государь поѣхалъ къ войскамъ по горамъ и между куспарниковъ. Солнце садилось, прохладный вѣперъ освѣжалъ воздухъ послѣ дневнаго зноя, на небѣ не было ни одного облака. Вдругъ, сквозь дымъ сраженія, мелкнули башни Парижа. «Парижъ! Парижъ! вопъ онъ!» воскликнули всѣ, и всѣ на него указывали. Воспоргъ овладѣлъ нами; забыты шрудности похода, усталость, болѣзни, раны; забыты надшіе друзья и братья, и мы спояли, какъ вновь оживленные, на висопахъ, съ коихъ обозрѣвали Парижъ съ его окреспностями. Но пущъ къ оному прегражденъ още былъ непріятелями, коихъ арісгардъ соспавленъ былъ изъ Поляковъ. Сокрушены уже были въ Россіи тѣ спрашныя легіоны, копорые завоевали Голландію, Швейцарію, Германію, Ишалію и Египецъ; спа-

сеніе Франціи вручено было иностранцамъ; Поляки почивались погда лучшими изъ непріятельскихъ войскъ. Спранная участь Славянскаго племени! Съ одной стороны соединенныя силы Европы, подъ предводительствомъ Славянскаго Царя, приступали къ шой столицѣ, съ завладѣніемъ копорой водворялось всеобщее спокойствіе, а съ другой защита сей самой столицы возложена была на сыновъ Славянскаго поколенія.

Сумракъ вечерній положилъ конецъ сраженію и Государь поѣхалъ ночевать въ близъ лежащій замокъ Бонди. Съ балкона сего замка видны были огни, разложенные предъ биваками союзныхъ армій и на высотахъ, занятыхъ непріятелемъ; вокругъ все небо рдѣло опть зарева, предвозвѣщавшаго, казалось, рѣшительный для участи вселенной день. Положено было рано по ушру атаковать непріятеля, если онъ вознамѣрился сопротивляться. Одни думали, что кровопролитіе будетъ ужасное и, что жители Парижа погребутъ себя подъ развалинами онаго; другіе же мыслили, что Парижъ надлежало защищать на берегахъ Рейна, а не у подошвы Монмарпра, и надѣялись на скорую сдачу. Уже было поздно, но никто не

предавался сну, каждый предлагалъ свое мнѣніе, офицеры спорили съ Генералами; въ ожиданіи важныхъ событій изсчетаешь между людьми различіе въ чинахъ и въ сословіяхъ, и уснаавливается само собою равенство, во время копораго берутъ верхъ одни дарованія. Мало по малу всѣ успокоились.

Часу въ четвертомъ по утру привели съ передовой цѣпи извѣстнаго Французскаго архипспектора Пера, не имѣвшаго съ собою тубача; мнѣ приказано было удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ присланъ съ какимъ нибудь порученіемъ, или только для спасенія себя отъ плѣна, назвался переговорщикомъ. Полумертвый отъ страха, онъ разсказалъ мнѣ, что сограждане его въ великомъ волненіи, и что приверженцы Наполеона разсвѣяютъ извѣстія оскоромъ приближеніи его съ арміею, утверждал, что союзныя войска, подошедшія къ столицѣ, ничто инос какъ отрѣзанный корпусъ. «Весь Парижъ,» продолжалъ онъ, «сего мнѣнія.» Но какъ было велико удивленіе его, когда я ему объявилъ, что всѣ наши силы, числомъ до двухъ сотъ тысячъ, здѣсь, что Наполеону преграждено сообщеніе съ столицею и что въ Бонди находится главная квар-

тира Государя. При сихъ словахъ я подвелъ его къ воротамъ, гдѣ спояла въ караулъ рота Преображенскаго полка, и сказалъ ему: »вошь и гвардія Его Величества.« Французъ, поблѣднѣвъ, опвѣчалъ: »сопротивленіе съ нашей стороны щещено; спасеніе Парижа пребуепъ, чптобы я объяснился съ Императоромъ.« Онъ былъ допущенъ: Государь поручилъ ему объявить главнокомандующему непріяпельскими войсками, чпто Его Величество пребуепъ сдачи Парижа, чпто находится предъ его спѣнами со всею арміею своею и, чпто воюепъ не съ Франціею, а съ Наполеономъ,

Наспалъ день, войска пошли впередъ, загремѣлъ громъ орудій и упорно защищавшійся непріпель былъ выпѣснеспъ изъ каждой позиціи, имъ занимаемой; возвышенія и деревни, лежащія впереди Парижа, поспепенно персходили во власпъ союзниковъ, и наконецъ, въ чепыре часа по полудни, Русскіе взяли приспупомъ послѣднюю высопу; Французы побѣжали въ городъ. Потеря наша проспиралася до десяти тысячъ человекъ. Она не была бы споль значительна и Парижъ взяли бы нѣсколькими часами ранѣе, ежелибы Фельдмаршалъ Блюхеръ получилъ

въ надлежащее время приказъ къ нападенію, но по одному изъ пѣхъ непредвидимыхъ случаевъ, которые не рѣдко встрѣчающіяся на войнѣ, повелѣніе сіе привезено было къ нему позже, нежели какъ слѣдовало, а пошому въ ожиданіи атаки Блюхера, Государь приказалъ сражавшимся въ виду Его войскамъ не быспро подаваться впередъ. Бой прекратился, настала всеобщая пишина и знамя Русское развилось на Монмартрѣ и Бельвилѣ. Государь вѣхалъ на сію послѣднюю гору, откуда были видны ясно улицы и дома Парижа; подвѣзены бапарей и послано объявить, что къ вечеру не узнають мѣста, гдѣ была столица, если она черезъ часъ не покорится.

Войска занимали въ долинѣ и по высотамъ пространство отъ Сень - Дени до Шарантона, ожидая приказанія испребить Парижъ или вступишь въ него великодушными побѣдителями. Взоры всѣхъ устремлены были на сію столицу; тайное предчувствіе говорило, что война прекращена и каждый переносился мысленно въ свое отечество. Въ эту минушу торжествовала Россія; общал радость превратилась въ безмолвіе; у многихъ видны были на глазахъ

слезы. Такъ спояли мы за полпора года на Поклонной горѣ, гдѣ Смоленскій размышлялъ, сражались ли передъ Москвою или уступить оную безъ кровопролитія. Тогда, горя чистѣйшею любовію къ отечеству, мы спрашились пережить славу Россіи, а нынѣ, лежавшій у ногъ нашихъ Парижъ напоминалъ весь рядъ побѣдъ опть Тарупина до Сейны! Въ скоромъ времени прѣехали Французскіе офицеры, присланные опть города съ предложеніемъ о сдачѣ онаго. Трепещущими шагами всходили они на гору и приближались къ Государю. Казалось, вся вселенная внимала въ сію минушу словамъ Его. Онъ обѣщаль щадить столицу и позволилъ выступить изъ оной находившимся въ ней войскамъ. Попомъ мы возвратились въ селеніе Бонди съ шѣмъ, чшобы на другой день выступить въ Парижъ. Съ вечера солдаты чистили оружіе и конскую сбрую, офицеры примѣривали лучшіе мундиры свои; всѣ готовились встрѣтить день, кошворому подобнаго небывало въ нашей Исторіи.

Г Л А В А Ш.

УТРО 19-ГО МАРТА. — КОЛЕНКУРЪ. — ОТЪ-
ѢЗДЪ ГОСУДАРЯ ИЗЪ БОНДИ. — ПРИБЛИ-
ЖЕНІЕ КЪ ПАРИЖУ. — МОНМАРТРСКОЕ
ПРЕДМЪСТІЕ. — БУЛЬВАРЫ. — ЕЛИСЕЙСКІЯ
ПОЛЯ. — ОКОНЧАНІЕ СМОТРА. — ВЕЧЕРЬ.

На зарѣ прекраснѣйшаго утра, 19-го Марта, начали сходиться на обширномъ дворѣ, передъ замкомъ Бонди, Генералы и офицеры, принадлежавшіе къ свитѣ Государя; встрѣчаясь, мы жали другъ у друга руку и безмолвствовали. Часу въ шестомъ пріѣхали въ нарядныхъ каретахъ чиновники Парижскаго городского правленія, которые опъ смятенныхъ мыслей едва могли говорить. За ними явился на лошади, предъ ворошамми замка, человекъ съ знакомымъ всѣмъ лицомъ, это былъ Коленкуръ, присланный опъ Наполеона съ предложеніями о мирѣ. Преображенскій солдатъ, спойв-

шій на часахъ, сказала, чптобы онъ сошелъ съ лошади, и Французскій Миниспръ принужденъ былъ повиноваться; увидя собравшихся надворъ офицеровъ, онъ снялъ шляпу и съ популленными глазами прошелъ мимо насъ. Между птѣмъ какъ докладывали объ немъ Государю, мнѣ поручили занячь его разговорами; я просилъ его войти въ замокъ и съ удовольствіемъ смопрѣлъ на унизительное положеніе сего временщика, который нѣкогда въ Россіи не зналъ мѣры своей надмѣнности. Императоръ провелъ съ нимъ болѣе часа и, по смущенному виду Коленкура при выходѣ, можно было заключить, что предложенія его были отвергнуты. Ровно въ восемь часовъ подвели Государю сѣрую лошадь, называемую Марсомъ, и мы поѣхали; на дорогѣ встрѣпили мы Короля Пруссакаго, а въ нѣкоторомъ разстояніи гвардію: никакое перо не дерзнетъ выразить воспорага, съ коимъ она приняла Государя. Версты за при ошь города начали показываться Парижане; они спрашивали: »гдѣ Императоръ Александръ?«

Многочисленные здапія Парижа болѣе и болѣе становились видны; нѣкоторыя изъ офицеровъ ѣздили рано по упру въ

Парижъ и, возвращаясь, разказами своими, удвоивали желаніе бытъ скорѣе въ ономъ. Войны, порываемыя любопытствомъ, едва оставались въ рядахъ своихъ; они горѣли непрерывнымъ войномъ въ городъ, который долгое время давалъ успокоеніе во вкусу, въ модахъ и въ просвѣщеніи, въ которомъ хранились сокровища наукъ и художествъ, который вмѣщалъ въ себѣ все упоенныя наслажденія жизни, гдѣ недавно писали законы народамъ и ковали для нихъ цѣпи, откуда выступали ополченія, проходившія все концы Европы и, который, однимъ словомъ, почитался столицей міра. Къ довершенію двухлѣтнихъ побѣдъ недоставало Русскимъ только бытъ въ Парижъ; до сей желанной минуты нельзя еще было насладиться плодами столь многихъ кровопролитныхъ битвъ, завоеванныхъ крѣпостей и ниспроверженныхъ царствъ. Каждый шагъ, опъ онаго опдѣлявшій, не позволялъ вкусить въ полной мѣрѣ чувства, что Россія опомощна. Еще минута, и сокрушалась въ основаніяхъ своихъ могущественная Имперія, простиравшаяся опъ Балтійскаго моря до устья Тибра. Паденіе сильныхъ державъ подобно кончинѣ великихъ мужей: оно оставяетъ

на время пустоту въ міръ; спрашиваютъ: кто замѣнитъ мѣсто того, котораго не спало? и жаждутъ знать, какія изъ онаго произойдутъ послѣдствія.

Въ девять часовъ утра мы прибыли къ предмѣстіямъ Парижа; впереди шла легкая конная гвардейская дивизія, имѣя въ головѣ лейбъ-казаковъ; въ нѣкоторомъ распояніи опъ оной ѣхалъ Государь, окруженный блестящею свитою, а позади слѣдовали сперва гренадеры, потомъ пѣшая гвардія, кирасиры и нѣсколько баталіоновъ Австрійцевъ, Прусаковъ и Баденцовъ. Утро было прекрасное и часъ опъ часу воздухъ спановился ленте и благоразшвореніе. Необозримыя толны народа наполняли улицы, кровли и окна домовъ; сначала казалось, будто жипели чего-то опасаются, ибо радостныя восклицанія не были еще общими; изумленіе ихъ продолжалось нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ они спрашивали безпрерывно у насъ и другъ у друга: »гдѣ Государь?« — »Вопъ онъ, »вопъ Александръ«, взывали они, »какъ Опъ «милосшиво клаплется, съ какою ласкою »Онъ съ нами говоритъ!« Воображавши найпи въ Русскихъ, людей полудикихъ, изнуренныхъ походами, говорящихъ язы-

комъ для нихъ непонятымъ, въ стран-
ныхъ одеждахъ, они едва вѣрили глазамъ
своимъ, видя красочу Русскихъ мунди-
ровъ, блескъ оружія, веселую наруж-
ность воиновъ, здоровый цвѣтъ лица
ихъ, ласковое обращеніе офицеровъ и,
слыша оспроумные опвѣты ихъ на
Французскомъ языкѣ. »Вы не Русскіе,
говорили они намъ, »вы вѣрно эмигран-
ты.« Они скоро удосповѣрились въ про-
тивномъ, и вѣспѣ о невѣрояпныхъ свой-
ствахъ ихъ побѣдипелей перелепала изъ
успѣ въ успа, похвалы Русскимъ загремѣ-
ли повсюду, женщины изъ оконъ и съ бал-
коновъ махали бѣлыми плапками, привѣт-
ствовали насъ движеніемъ рукъ, и мгно-
венно раздалось опѣ одного конца Пари-
жа до другаго восклицаніе: »да здравст-
»вуетъ Александръ! да здравствуютъ Рус-
скіе!« произносимое милліономъ голосовъ.

Между тѣмъ мы прошли Монмарпр-
ское предмѣстіе и поворопили на право
по булеварамъ, гдѣ ликованія, возраспая
безпрестанно, превзошли всякую мѣру.
Съ прудомъ можно было ѣхать верхомъ,
жилиши оспанавливали на каждомъ шагу
лошадей нашихъ и, перевозносл Александра
и Русскихъ, они почти вовсе неупо-
минали о прочихъ союзникахъ, изрѣдка

только слышно было: »да здравствуетъ
»Францъ или Фридрихъ!« Ободренные
привѣпливостію Императора, они нача-
ли желать переменъ правительства и
провозглашать Бурбоновъ; появились бѣ-
лые кокарды на шляпахъ и бѣлые пла-
тки въ воздухъ; многіе, пѣнясь около Го-
сударя, просили, чтобы Его Величество
остался во Франціи: »Царствуйте надъ
»нами«, говорили они, »или дайте намъ
»Монарха, который бы былъ на васъ по-
»хожъ!«

Слѣдуя мимо великолѣпныхъ зданій
и памятниковъ, воздвигнутыхъ во славу
Французскаго оружія, мы достигли на-
конецъ Елисейскихъ полей, гдѣ Импе-
раторъ остановился и смотрѣлъ прохо-
дившія церемоніальнымъ маршемъ войска.
Сюда устремились все Парижане, при-
влеченные новостію зрѣлища; Францу-
женки просили насъ сойти съ лошадей
и позволили имъ всѣмъ на сѣдла, что-
бы удобнѣе видѣть Государя. Сначала
шли Австрійцы; жандармы никакъ не
могли удержатъ народа, чтобы онъ не
входилъ въ ряды войскъ, любопытные
Парижане пѣнили Австрійскіе взводы;
но коль скоро показались Русскіе гре-
надеры и пѣшая гвардія, то Французы

Были споль поражены ихъ воинскою о-санкою, чпо не шокмо не надобно было говорить имъ, чпо бы они споронились, но они всѣ единодушно, какъ бы по нѣ-копорому шайному согласію, опспупи-ли назадъ гораздо далѣе пош черпы, ко-шорая назначена была для зршпелей. Они взирали съ безмолвнымъ удивленіемъ на гвардейскіе и гренадерскіе корпуса и со-знались, чпо армія ихъ, въ блистатель-ное время Французской Имперіи, не была въ шоль цвѣшущемъ положеніи, какъ сіи корпуса послѣ шрехъ безсмертныхъ по-ходовъ.

Смопръ кончился въ пятомъ часу по полудни и Государь опсправился въ домъ Талейрана, гдѣ Его Величество на первое время имѣлъ свое пребываніе. Чашь вѣйскъ заняла караулы, а прочія пошли въ назначенныя для нихъ въ городѣ квар-пиры. Въ сіе время чернь ругалася надъ памятниками, сооруженными въ честь прежнему обладашелю ихъ, но большал чашь жшпелей казались погруженными въ недоумѣніе, какъ бы не довѣрять шому, чпо совершшлось въ ихъ глазахъ и спра-щивали сами себя: правдали, чпо они ви-дѣли побѣдшпелей мшосердыми и прос-вѣщенными? правдали, чпо Александръ

ограничиваесть плоды поржества своего щастіемъ покоренной спраны? Наспалъ вечеръ: побѣдипелямъ и побѣжденнымъ необходимо было спокойствіе; улицы начали пуспѣпъ и мало по малу водворилась всеобщая пишина, пѣмъ болѣе ощутипельная, что въ теченіи предѣидущихъ дней грудь каждого волновалась опъ разнообразныхъ ожиданій и надеждъ, увѣнчанныхъ попомъ щаспливѣйшими собышійми. Все, что мы видѣли и чувепвовали, было споль изящно и велико-что воображенію ничего не оспавалось приобщипъ или украсипъ: мы были обезсилены радоспшою.

Сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Почпи въ полночь я вышелъ изъ дома; никого изъ жишелей небыло видно на улицахъ; тамъ, гдѣ оспановился Государь, расположенъ былъ бапаліонъ Преображенскаго полка. Огни въ домахъ угасли, въ Тюльерійскомъ дворцѣ не было пакже свѣпа, у сего древняго зданія, служившаго попеременно жилищемъ Бурбоновъ, мѣстомъ засѣданій республиканскихъ правленій и дворцомъ обладашеля изобильнѣйшихъ спранъ Европы,— но копораго Александръ не удоспоилъ своего пребыванія,— находился Русской караулъ. Посреди ночной

пишины я достигъ непримѣнно до Пале-Рояля, гдѣ всѣ партіи, господствовавшія во Франціи въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, испытывали первыя свои силы. Въ саду и въ галлерейхъ онаго волновались тысячи народа, обуреваемого различными страстями: иные смотрѣли на небо и тяжко вздыхали, но большая часть толпилась около споявшихъ въ разныхъ мѣстахъ ораповъ, изъ коихъ одни славилъ Бурбоновъ, подъ скипетромъ копорыхъ предки ихъ жили нѣсколько столѣтій, а другіе, превознося прежнія побѣды свои, полагали не предпринимать ничего рѣшительнаго въ ожиданіи прибытія Наполеона съ арміею. То, что я тушь видѣлъ, дало мнѣ первое, настоящее понятіе о революціонныхъ явленіяхъ и народныхъ совѣщаніяхъ. Сколько разнообразны были излагаемыя ими мнѣнія, но они всѣ почтили Русской мундиръ: я ходилъ по всему Пале-Роялю, спавовился въ толпы Парижанъ и былъ повсюду принимаемъ съ вѣжливостію. Я вошелъ въ кофейный домъ и не успѣлъ сѣсть, какъ присупсповавшіе начали пить единогласно за здоровье Русскаго офицера. Наконецъ я возвратился домой. Порядокъ нашею арміею былъ соблюденъ

до того, что никакое безчиніе не напоминало, что въ Парижѣ находилось болѣе ста тысячъ иностранныхъ войскъ; глубокое безмолвіе на улицахъ прерывалось только окликами Русскихъ часовыхъ.

ГЛАВА IV.

Прокламацій Государя и Французскихъ префектовъ. — Назначеніе Генерала Са-кена Губернаторомъ Парижа. — Милосердое обращеніе въ Парижъ. — Отвѣтъ Государя Сенаторамъ. — Изрѣченія Государя. — Памятникъ на Вандомской площади. — Аполлонъ Бельведерскій. —

На другой и наслѣдующіе дни все предавались радостному упоенію; съ раняго утра улица Сень-Флорантенъ, площадь Людовика XV и Тюльерійскій садъ, какъ мѣста прилежація къ дому Тамейрана, гдѣ жилъ Государь, покрывались множествомъ народа. Французы жаждали знать ходъ политическихъ дѣлъ; пріобыкшіе къ печальнымъ объ оныхъ извѣ-ніямъ, посредствомъ копорыхъ каждое изъ эфемерныхъ правительствъ, существовавшихъ съ начала революціи, спаралось привлечь народъ на свою сто-

рону, они толпами собирались предъ нашими окнами, прося, чптобы имъ раздавали печатные листки. На сей разъ любопытство ихъ имѣло основательную причину, потому что они могли надѣяться найсти въ оныхъ рѣшеніе своей участи.

Нѣсколько прокламацій, обнародованныхъ въ сіе время, были всѣ отъ имени Государя, а не отъ имени Прусскаго Короля или Австрійскаго Императора; онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ возвышенныхъ чувствъ Александра и, невзирая на умѣренныя и скромныя выраженія, въ коихъ оныя сочинены, въ нихъ видно повеліе для Европы. Первая и, по содержанию своему, самая важная прокламація, подписанная Его Величествомъ, издана была въ самой день вспугленія въ Парижѣ въ три часа по полудни. Императоръ, приглашая въ оной Французовъ избрать временное правительство для составленія конституціи, объявляетъ, «что ни Онъ, ни союзники Его не войдутъ болѣе въ переговоры съ Наполеономъ и членами его семейства и что области, принадлежавшія Франціи при прежнихъ Короляхъ, будутъ неприкосновенны.»

Въ тотъ же день префекты полиціи Пакіе и Сейнскаго Департамента Шаброль повѣспили жителей, что Французскія войска должны были уступить превосходному числу союзныхъ армій, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе съ ихъ стороны было бы пагубно и что въ слѣдствіе того Парижъ сданъ. Въспъ между прочимъ собственныя выраженія ихъ: »безопасность лицъ вашихъ и имуществъ »ограждена договоромъ и обѣщаніемъ Императора Всероссийскаго, Который сего »упра извоилъ увѣрить городское правительствво въ защитѣ своей и въ милости къ обывателямъ сей столицы.« Слѣдовательно никто другой, кромѣ Государя, не обезпечивалъ въ то время Парижанъ на счетъ единственныхъ благъ, оспариваемыхъ побѣжденнымъ, — существованія ихъ и собственности. Тогда же Спанскъ-Секретарь Графъ Н*** объявилъ начальнику полиціи Пакіе Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи изъ плѣна Французовъ, содержавшихся въ оной за то, что они запрещали крестьянамъ стрѣлять по нашимъ войскамъ и были преданы Королевской фамиліи. Но мы увидимъ въ послѣдствіи, что заскупленіе Императора распространилося и на при-

верженныхъ людей къ Наполеону. Покровительствуя такимъ образомъ всѣмъ сословіямъ вообще, Онъ устранилъ себя однакоже отъ дѣлъ частныхъ людей и велѣлъ извѣстивъ подававшихъ къ нему во множествѣ прошенія, что, находяся во Франціи для водворенія мира и счастья, Его Величество поставилъ себя долгомъ не вступаться въ ходъ и въ исполненіе законовъ, и приглашалъ по сему просителей обратиться къ временному правительству, или къ тѣмъ прусскимъ мѣстамъ, коихъ сужденію дѣла ихъ подлежали.

Въ Парижѣ назначили комендантовъ: Русскаго, Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго, а Генераль-Губернаторомъ Сакена. Трудно было избрать на сіе мѣсто Генерала, котораго бы умѣлъ заставить болѣе его уважать имя Русскихъ и приобрести любовь жителей, ибо онъ соединялъ съ глубокою ученостію, твердый характеръ и привлекательное обращеніе. Лестное званіе, въ которое его возвели, было достойнымъ возмездіемъ за подвиги его въ минувшихъ походахъ: онъ рѣшилъ побѣду подъ Кацбахомъ и Бриенномъ и твердосію своею спасъ отъ погибели Силезскую армію при Шампоберѣ и

Монмираль. По вступленіи въ должность онъ запрстилъ превожити и оскорбляти кого бы то ни было за политическія мнѣнія, или за наружныя, къмъ либо носимыя знаки. Соблюдая строгаго подчиненность между войсками и порядокъ въ городѣ, онъ привязалъ къ себѣ Парижанъ до такой степени, что повсюду былъ принимаемъ съ рукоплесканіями; при его появленіи воздухъ оглашался восклицаніями: »да здравствуетъ Генераль Сакенъ! Когда онъ пріѣзжалъ въ театръ и занавѣсъ былъ уже поднятъ, то зрители пребывали, чтобы актеры снова начинали представленіе. Слѣдующій, отданный имъ приказъ, можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ правилъ, которыми онъ, въ управленіи своемъ, руководствовался: »осмотрѣвъ временный госпиталь, учрежденный въ предмѣстіи Руля, я свидѣтельствую начальникамъ онаго и чиновникамъ мою особенную благодарность за стараніе ихъ въ облегченіи скорби храбрыхъ воиновъ. Меня испинно пронула признательность больныхъ къ тѣмъ лицамъ, коимъ ввѣрено о нихъ попеченіе; да благословитъ также небо народъ, оказывающій помоществованіе

»раненымъ и больнымъ, безъ различія, жъ какой землѣ они принадлежатъ.«

Со вѣпораго дня занятія Парижа въ пеапрахъ начались предспавленія, почпы воспріяли свое дѣйствіе и разослали по принадлежностпи сотни тысячъ писемъ, назначенныхъ за границу, а также привезенныхъ изъ чужихъ краевъ, но при года задержанныхъ въ почтовомъ управленіи; отворили городскіе воропа, позволили всѣмъ по произволу изъ города уѣзжать, дороги въ окрестностяхъ столицы приведены въ безопасность и въ самомъ скоромъ времени банкъ производилъ по прежнему плашежъ Государственнаго долга и выдачу пенсіоновъ. Словомъ сказатъ, предиривиты всѣ мѣры къ воспановленію общаго спокойствія; даже приглашали жителей приносить жалобы на припѣсненія, неразлучныя съ военнымъ поспоемъ.

Никто не могъ вообразить, чтобы съ Парижемъ поспушно было такъ снисходительно, потому что обиды, нанесенныя Французами каждому изъ союзниковъ, были столь чувствительны и поведеніе ихъ въ завоеванныхъ ими столицахъ столь оскорбительно, что всякое мщеніе съ нашей стороны, хотя не

справедливое, могло быть извинительно. Таковое милосердіе имѣло главною причиною благородный образъ мыслей Государя; Ему одному должно приписать торжество благоспи, покрывшее на всегда Русское имя неувядаемою славою. Въ послѣдствіи мнѣ случалось слышать неоднократно изъ устъ Его правило: »чтобы крупными мѣрами не достигать до своей цѣли;« а попому Онъ обыкновенно избиралъ средства, копорыя не шокмо никого не вооружали, но напрошивъ привязывали къ Нему сердца даже шѣхъ людей, копорыхъ мнѣнія не согласовались съ Его образомъ мыслей.

Чиновники различныхъ присутственныхъ мѣспъ на перерывъ просили позволенія представиться Государю, выходя же онъ Его Величества, не могли скрывать своего восхищенія. Его опвѣспъ Сенаторамъ произвелъ неописанную, общую радость. Императоръ сказалъ имъ: »человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, напалъ на мое Государство не справедливымъ образомъ; а по сему я веду войну съ нимъ, а не съ Франціею; я другъ Французовъ. Насполящій вашъ посупокъ, коимъ вы лишили престола Наполеона и его семейство, соединяетъ

»меня еще болѣе съ вами; благоразуміе
 »пребуесть, чшобы учреждено было во
 »Франціи правительство на основаніяхъ
 »твердыхъ и согласныхъ съ настоящимъ
 »просвѣщеніемъ сего Государства. Союз-
 »ники мои и я будемъ покровительст-
 »вовать свободѣ вашихъ заведеній.« Ос-
 тановясь на минушу, Императоръ про-
 должалъ: »въ доказательство прочной
 »связи, копорую я намѣренъ заключить
 »съ вами, я возвращаю всѣхъ Француз-
 »скихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи;
 »временное правительство меня уже объ
 »нихъ просило, но я ихъ уступаю Сена-
 »ту въ уваженіе сдѣланнаго имъ сего дня
 »опредѣленія.« Сенатъ положилъ запи-
 сать слова сіи въ журналъ и обнародо-
 вать оныя во всеобщее свѣденіе, что не-
 медленно и было исполнено посредствомъ
 вѣдомостей и печатныхъ объявленій,
 прибитыхъ на стѣнахъ домовъ. »Возда-
 »димъ вѣчную благодарность,« такъ оп-
 зывается одно изъ верховныхъ присут-
 ственныхъ мѣстъ, »за великодушнѣйшій
 »посупокъ, о которомъ лѣтописи міра
 »упоминаютъ. Императоръ Всероссийскій
 »употѣшаетъ двѣсти тысячъ семействъ,
 »даруя свободу несчастнымъ Французамъ,
 »коихъ жребій войны предоставилъ во-

»власть Его, и Его Величество уско-
»ряетъ эту счастливую минуту, въ ко-
»порую мы увидимъ братьевъ, друзей
»нашихъ и сыновей.«

Ежедневныя вѣдомости были напол-
нены только объ одномъ Государѣ; каза-
лося, что прочіе союзники были чужды
для Парижа. Слѣдующія изрѣченія Его
Величества находились во всѣхъ газетахъ:
при въѣздѣ въ Парижъ Государь сказалъ
толпившемуся около Него народу: »Я
»вспуваю не врагомъ, а возвращаю вамъ
»миръ и торговлю.« — »Мы уже давно о-
»жидали прибытія Вашего Величества,«
сказалъ одинъ Французъ, на что Импе-
раторъ отвѣчалъ: »Я бы ранѣе къ вамъ
»прибылъ, но обвиняйте въ моей медле-
»ности храбрость вашихъ войскъ.« Про-
ѣзжая по Вандомской площади, на копо-
рой воздвигнута огромная колонна со
спатуею Наполеона, Государь произнесъ
сїи слова: »еслибъ я споялъ такъ высо-
»ко, то боялся бы, что у меня заку-
»жился голова.« —

Одна изъ любопытныхъ спашей, об-
народованныхъ когда либо правительст-
вомъ покоренной страны, есть слѣдую-
щая: »опѣ полиціи объявляется, что
»памятникъ на Вандомской площади, со-

»стоить подъ покровительствомъ великодушія Его Величества Императора Всероссийскаго и союзниковъ Его. Находящееся наверху изваяніе, при перешагиваніи ихъ обстоятельствахъ, не можетъ болѣе паче оспаваться, по чему оно замѣняетъ изображеніемъ мира.« На колоннѣ сей, сооруженной въ честь побѣдъ Французскихъ войскъ, поставлена была, какъ упомянуто, статуя Наполеона, къ которой народъ привязывалъ неоднократно веревку и тащилъ ее внизъ при ужасныхъ крикахъ; одинъ смѣльчакъ влѣзъ на плеча оной и билъ ее по щекамъ, а что она во все не истреблена разъяреною чернью, за что Парижане обязаны Монархамъ, въ столицахъ коихъ, Наполеонъ руководствовался совѣтъ другими правилами.

Въ сіе время союзники наши, по праву побѣдителей, отбирали то, что Французы увозили нѣкогда изъ Германіи и Італіи; Русскіе глядѣли на сіи поступки какъ посторонніе и безпристрастные зрители; имъ нечего было требовать обратно, потому что они рассчитались съ непріятелями еще въ нѣдрахъ своего опечесна. Я встрѣтилъ однажды въ пакъ называвшемся Наполеоновомъ музе-

умѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ истинныя сокровища художествъ, Государя, сопровождаемаго извѣстнымъ въ ученое свѣдѣніе Денономъ, бывшимъ главнымъ начальникомъ сего музеума. Государь замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ подножіяхъ не было ступай и, показывая на одно изъ нихъ, спросилъ: »что на ономъ прежде стояло?— «Аполлонъ Бельведерскій, опвѣчалъ Денонъ.» — »Гдѣ же онъ теперь?« продолжалъ Императоръ. — »При угрожавшей Парижу опасности, сказалъ униженно Денонъ, мы отправили его къ Орлеану.« — »Если бы оставили его въ Парижѣ,« возразилъ Александръ, »то я увѣрю васъ, что никто бы къ нему не прикоснулся, но теперь, если казаки его возьмутъ на дорогѣ, то это будетъ законная добыча.«

Г Л А В А V.

ЗАМЫСЕЛЬ НАПОЛЕОНА.— ПЕРЕГОВОРЫ СЪ
МАРШАЛОМЪ МАРМОНОМЪ.— ОТРЕЧЕНІЕ
НАПОЛЕОНА.— ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ПРИВЕР-
ЖЕНЦОВЪ НАПОЛЕОНА.— ФРАНЦУСКІЕ ВО-
ЕННЫЕ.— ПАТРАЖДЕНІЯ ФРАНЦУЗОВЪ.—
МОЛЕБЕНЬ.— ЛАГАРПЪ.— АЛЕКСАНДРЪ
ВЪ ЕЛИСЕЙСКОМЪ ДВОРЦѢ.

По занятіи Парижа война была пре-
кращена, ибо ничто уже немогло про-
тивиться могуществу Александра; оста-
валось только обезоружить Наполеона,
котораго Сенатъ и временное правитель-
ство, учрежденное 20-го Марта, лиши-
ли престола. Однако же крупной нравъ и
неумѣренное властолюбіе бывшаго обла-
дателя Франціи, подавали поводъ думать,
что онъ будетъ всеми мѣрами стараться
продлить войну, и хопя онъ не могъ на-
дѣяться на успѣхъ съ горстью изнурен-
ныхъ войскъ, коими онъ еще располагалъ,

по преданность ихъ къ нему была шоль несограниченна, что они послѣдовали бы повсюду за своимъ, нѣкогда побѣдоноснымъ, вождемъ. Въ день нашего вступленія въ столицу Франціи, онъ подѣзжалъ къ ней на нѣсколько верспъ и остановился въ мѣстечкѣ Виль-Жвифъ, гдѣ узналъ, что въ Парижѣ уже властвовала Александръ: что происходило въ сіе мгновеніе въ душѣ его, того никакая кисть изобразить не въ состояніи. Съ сего времени онъ удалился въ Фонпенбло, гдѣ еще нѣсколько дней вращалъ въ мысляхъ средства изпоргнуть побѣду изъ рукъ союзниковъ: это были судорожныя движенія опчаянія. Онъ думалъ опступить за Лоару, или соединиться съ Маршаломъ Ожеро, сполвшимъ близъ Ліона, и приплунуть къ себѣ изъ Ломбардіи корпусъ Вице-Короля Италійскаго; но болѣе чѣмъ сіи соображенія, занимала его мысль ударить прямо на Парижъ, въ надеждѣ, что союзники не примутъ сраженія, имѣя въ пылу сей обширный городъ и, что жипеди онаго, воспламенясь при видѣ опечесшвенныхъ знаменъ, бросятся къ оружію, чтобы возвратить свою утраченную славу. Чувство народной чести бываетъ сильнѣе чувства граж-

данскихъ бѣдствій; можетъ быть, что истина сія неизмѣнилася бы въ Парижѣ, коего большая часть обывателей, одаренныхъ быспрымъ воображеніемъ, находилися прежде въ военной службѣ, въ такое время, когда щастіе постоянно имъ сопутствовало. Разсматривая сіи обстоятельства, видимо было, что они не могли поколебать могущества союзниковъ, а произвели бы только одно напрасное пролитіе крови; почему, для избѣжанія онаго, намъ приказали черезъ три дня послѣ занятія Парижа готовиться къ походу, чтобы истребить послѣднія силы Наполеона; на случай опускствія Государя назначенъ былъ Генералъ Поццо-ди-Борго повѣреннымъ въ дѣлахъ при временномъ правительствѣ.

Между тѣмъ вступили въ тайныя сношенія съ Маршаломъ Мармономъ, спольвшимъ впереди Фоншенбло, и послали къ нему находившагося издавна съ нимъ въ связяхъ Г-на Монпессю, съ извѣщеніемъ о непремѣнной волѣ союзныхъ Монарховъ — положить конецъ владычеству Наполеона. Господинъ Монпессю, выполнивъ порученіе сіе самымъ удачнымъ образомъ, возвратился на другіе шутки съ письменнымъ отвѣтомъ

Маршала Мармона, который обещалъ перейти на нашу сторону съ нѣкоторыми условіями, касавшимися до сохраненія жизни и соспоянія прежняго своего повелителя. Не теряя времени согласились на его пребыванія, и онъ, съ двѣнадцати - тысячнымъ корпусомъ, оставилъ Французскую армію, прошелъ ночью сквозь нашу цѣпь и расположился около Версали.

Сей поступокъ убѣдилъ Наполеона въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія; онъ отправилъ въ Парижъ Колленкура и маршаловъ Нея и Макдональда, съ предложеніемъ опречься опъ престола въ пользу сына своего; ему опказали, и онъ явилъ въ несчастіи сполько же покорности, сколько былъ неумолимъ во дни своихъ успѣховъ. Онъ принялъ безопговорочно оспровъ Эльбу и нѣсколько милліоновъ годоваго дохода для себя и для родственниковъ своихъ. Примѣчательно, что въ переговорахъ объ участіи любаго врага Россіи, мечтавшаго нѣкогда оподвинуть предѣлы ея до Днѣпра и Двины, посланные изъ Фонтенебло опносились къ Государю, а не къ другому кому изъ союзныхъ Монарховъ, вмѣсто которыхъ Его Величество говорилъ и

*

дѣйствоваль. Должно предоставишь Испоріи рѣшитъ вопросъ, кпо заслуживаспъ болѣе удивленія, Александръ ли, обезпечивающій, вопреки многихъ дѣланныхъ ему представленій, существованіе Наполеона, или сей послѣдній, пріемлющій дары опъ своего соперника? Когда такимъ образомъ оградили судьбу Наполеона съ его семействомъ, по пребываніе ихъ во Франціи не было уже совместно съ обшпояшельствами, собственная ихъ безопасность прѣбовала, чпобы они опправились за границу. Почши всѣ они выѣхали изъ Парижа съ Русскими паспортами, и въ сопровожденіи Адьютантовъ Государя: Наполеону сопуществоваль Графъ Шуваловъ, который нѣсколькo разъ спасаль жизнь его опъ народной ярости.

Хопя новый порядокъ вещей, успановленный во Франціи, обѣщаль ей миръ и кропкое правленіе, однако же памъ находилося еще много людей, приверженныхъ къ развѣнчанному герою; одни одолжены ему были мѣстами и почесшиями, а другіе, какъ напрімѣръ, покупщики дворянскихъ и духовныхъ имѣній, видѣли въ немъ залогъ прочнаго обладанія своєю собственностію; наиболѣе сожалѣли о

кумиръ своемъ военные. По сей причинѣ милоспи, оказываемыя Государемъ ему и членамъ его фамилии, привлекали на нашу спорону многочисленное сословіе его почипапелей, между пѣмъ какъ прочіе союзники, явля къ нимъ очевидную холодность, удаляли ихъ опъ себя. Скажушь, можетъ бытъ, что Александръ въ поступкахъ съ низверженнымъ противникомъ своимъ руководимъ былъ щцеславіемъ, и, что онъ въ семъ случаѣ плапилъ свойспвенную великимъ душамъ данъ желанію пріобрѣспъ лишнюю спранцу въ Испоріи, зная что каждое дѣйспвіе его — принадлежность попомспва. Но въ опроверженіе сего мнѣнія я приведу происшествіе, о кошоромъ нельзя было полагать, чтобы оно когда нибудь сдѣла-лося гласнымъ, но совершенной ничшожности своей въ сравненіи съ великими со-бытіями, тогда совершавшимися: оно послужитъ пакже доказательспвомъ, сколько сердце Александра чуждалося мценія. Однажды Онъ получилъ опъ одной Француженки письмо слѣдующаго содержанія: «мы лишилися въ Наполсонѣ нашего бла-»годѣтеля, а съ нимъ вмѣспъ способовъ «сущеспвованія; хотя Ваше Величспво «вели противъ его войну, но Французы

»почитаюпть Ваше великодушіе. Основы-
 »ваясь на семъ общемъ мнѣніи, я прибѣ-
 »гаю съ просьбою, снабдитъ меня такимъ
 »количествомъ денегъ, чпобы я могла
 »безпрепятственно доѣхать до Тосканы
 »и поселиться противъ береговъ остро-
 »ва Эльбы; тамъ я буду имѣть въ виду
 »мѣста, гдѣ обитаетъ человекъ, на ко-
 »шораго взоры мои были и будутъ устре-
 »млены. Мнѣ приказали, опъискавъ
 просительницу, неподписавшую имени
 своего, вручить ей потребныя на про-
 ѣздъ ея деньги.

Во время переговоровъ объ опреченіи
 Наполсона, офицеры его арміи начали прі-
 ѣзжать изъ Фонтенебло въ Парижъ; но
 когда участь его рѣшилась, столица на-
 полнилась ими. Какъ миръ еще не былъ
 подписанъ, то они не знали, будетъ ли
 присутствіе ихъ тамъ шернимо, а по-
 тому скрывались, не осмѣливаясь пока-
 зываться въ мундирахъ и въ публичныхъ
 мѣстахъ. Когда сіе дошло до свѣденія Го-
 сударя, то Онъ приказалъ обнародовать
 слѣдующее объявленіе: »Узнавъ, чпо мно-
 »гіе изъ Французскихъ военныхъ всѣхъ чи-
 »новъ находятся нынѣ въ Парижѣ, или
 »по поводу теперешнихъ обстоятельствъ,
 »или для поправленія здоровья, распро-

«еннаго походами и ранами, полученны-
 »ми на полѣ чести, Его Величество ни-
 »какъ не полагаетъ, чтобы они почипа-
 »ли нужнымъ скрыватьсь. Во всякомъ слу-
 »чаѣ Ему пріятно объявить имъ, что
 »они свободны, совершенно свободны и,
 »что имъ, какъ и прочимъ Француз-
 »скимъ гражданамъ, предположить обязан-
 »ность способствовать къ пѣмъ мѣрамъ,
 »которыя надлежитъ принять для бла-
 »годенствія Франціи.»

Можно было узнать Французскихъ
 офицеровъ сколько же по мрачному виду,
 сколько и по мундирамъ. Вникая въ
 свойство военныхъ, нельзя было требо-
 вать, чтобы они съ самаго начала обош-
 лись съ нами ласково: они могли не ина-
 че, какъ поспешно, признать спасите-
 лей своего опечеснва въ людяхъ, про-
 шивъ которыхъ долгое время сражались.
 Они обращались съ Русскими вѣжливѣ,
 нежели съ прочими союзниками, съ кои-
 ми бывали у нихъ не рѣдко поединки;
 особенно къ Прусакамъ они питали оп-
 личную ненависть такъ, что между ни-
 ми почти ежедневно проливалась кровь.
 Нѣмецкіе офицеры, хотя и сосѣди Фран-
 ции, но привыкаютъ шруднѣ къ Фран-
 цузскимъ правамъ, языку и обхожденію,

чѣмъ Русскіе. Въ сіе время намъ позволили бывають во фракахъ, въ копорыхъ мы являлися уже въ обществыхъ, какъ мирные граждане. Прусакы и Авспрійцы не переспавали ходить въ мундирахъ, къ тому же они не спаралися скромностію поведенія возвыситься, инакъ сказають, свое погрѣшество. У Авспрійцевъ есть обыкновеніе носить въ военное время на киверахъ и шляпахъ зеленыя вѣшвы, которыми Французы обиждалися, принимая оныя за изображеніе лавровъ, и опъ сего случалися ссоры и даже убійства. Напрошивъ того Парижанамъ нравилось чрезвычайно, что мы носили бѣлую повязку на лѣвой рукѣ и, что присоветовали бѣлую кайму къ нашимъ кокардамъ на шляпахъ. Сіе, повидимому маловажное обстоятельство, обращало въ нашу пользу общее мнѣніе, господствовавшее тогда во Франціи, и содѣлывало тѣснѣе связь между нами, потому что всѣ почти Французы, безъ изъятія, украшалися бѣлымъ цвѣтомъ въ знакъ привязанности своей къ Бурбонамъ и желанія скорого ихъ возвращенія.

Награждал щедро Русскихъ и офицеровъ союзныхъ армій, Императоръ поч-

шилъ равномерно и Французскихъ чиновниковъ своими милостіями. Такимъ образомъ онъ пожаловалъ орденъ Господину Монпессю, копорой первый ѣздилъ къ Маршалу Мармону, съ предложеніемъ перейти на нашу сторону; полковнику Лескуру, копорой спасъ Парижъ, не исполнивъ даннаго ему приказанія опъ Наполеона взорвать пороховый магазейнъ, находившійся на Гренельскомъ полѣ; Архитектору Перу, захваченному нашими разбѣздами на канунѣ Монмаршрскаго сраженія и успѣшно исполнившему порученіе, данное ему Императоромъ къ генералу Французскому, начальствовавшему войсками въ Парижѣ, и разнымъ другимъ особамъ, а особенно Французскимъ врачамъ, имѣвшимъ попеченіе о нашихъ больныхъ. Однажды Парижскіе банкиры пожертвовали въ пользу нашихъ раненыхъ восемь тысячъ франковъ, вырученныхъ ими опъ промѣна Русскихъ ассигнацій. Государь, изъявивъ имъ свое благоволеніе, приказалъ деньги сіи раздѣлить на четыре части, изъ коихъ одну оставить для Русскихъ, а остальные отдать Австрійцамъ, Прусакамъ и Французамъ. Деньги, назначенныя послѣднимъ, опосланы Генераломъ Сакеномъ къ военному Министру

Дюпону, при письмѣ, заключавшемся сими словами: »Я почишаю себя щаспливымъ, »чшо Его Величеству угодно было избрапъ »меня для объявленія вамъ сей Монаршей »милоспи, изливаемой на вашихъ соопече- »спвенниковъ, коихъ храброспи я имѣлъ »много случаевъ быпъ свидѣтелемъ.«

Одинъ изъ незабвенныхъ дней было свѣпное воскресенъе, въ которое пѣли молебень на площади Лудовика XV; для Богослуженія сооруженъ былъ пресполь на мѣспѣ казни послѣдняго Короля Французскаго. Съ ранняго, прекраснаго упра распавлены были наши войска на улицахъ и на площади, и необозримыя полны народа покрывали оныя и примыкающія къ нимъ аллеи Тюльерійскаго сада и Елисейскихъ полей. Государь, въ сопровожденіи множеспива иноспранцевъ, въ числѣ копорыхъ находилися нѣскольо Французскихъ Маршаловъ и Генераловъ, объѣхалъ войска и, прибывъ на площадь, на копорой служили молебень, преклонилъ со всѣми окружавшими его колѣна шамъ, гдѣ за двадцать лѣпъ пролипа была кровь добродѣпельнаго Монарха. Молипва всегда возвышаетъ душу, но она исполнила насъ неизъясными чувствами, когда мы изливали благодареніе

наше Всевышнему посреди Парижа. Сей день былъ днемъ поржества благочестія Александра. Въ древніа и въ новыя времена покоряли Царства, но не бывало примѣра, чптобы посреди плѣненной сполицы побѣдитель именовалъ себя только орудіемъ Провидѣнія и успѣхи свои приписывалъ одному Богу. Когда молебствіе кончилось, по гулъ Русскихъ пушекъ раздался по Парижу; громъ орудій, заснуившій мѣсто тишины во время служенія, попрясъ глубину сердець нашихъ.

Въ шопъ же день Государь пожаловалъ бывшему своему наставнику Лагарпу, находившемуся въ чинѣ полковника, орденъ свяпаго Андрея Первозваннаго. Уже на другое утро, по занятіи Парижа, меня посылали къ супругѣ Лагарпа извѣстить ее, опъ имени Императора, чпто мужъ ея находился въ безопасности въ главной кварширѣ Австрійцевъ, предложитъ ей опъ Его Величества всѣ возможные услуги, караулъ въ загородной домѣ ея и деньги, ежели ей оныя нужны; сверхъ того приказано было мнѣ ей сказать, чпто Государь не имѣлъ еще ни одной минуты, чптобы ее поспитить, но чпто въ самомъ скоромъ времени будетъ

лично у ней. Я нашелъ у госпожи Лагарпъ многочисленное собраніе, и когда сообщилъ ей о волю Императора, то она, заплакавъ, отвѣчала: »вы видите мои слезы, вопль мой описъпъ.«

Черезъ нѣсколько дней, послѣ праздника Пасхи, Государь переѣхалъ изъ дома Тамейрана въ Елисейской дворецъ. Въ скоромъ времени прибылъ въ Парижъ Императоръ Францъ, который, во время движенія Наполеона на Сень-Дизіе, отправился въ Дижонъ къ Австрійской арміи и съ тѣхъ поръ находился при оной. Въ день пріѣзда Государь встрѣпилъ его при Русскихъ войскахъ, сполыхшихъ въ парадъ, и отданъ былъ пароль: Вѣна, а Лозунгъ: Францъ. Началися о миръ переговоры, которые Государь велъ лично, а въ свободные часы осматривалъ достопримѣчательныя заведенія, находящіяся въ Парижѣ, посѣщалъ членовъ Королевской фамиліи, Императрицъ Марію Луизу и Юзефину, дочь ея, Принца Евгенія и нѣкоторыхъ сановниковъ, и приглашалъ къ своему столу знаменитыхъ людей всѣхъ сословій, безъ различія паршій, къ которымъ они принадлежали.

ГЛАВА VI.

Павожность Русскихъ. — Солдаты. —
Ласковое обращеніе Парижанъ. — При-
емъ Государя въ театрѣ. — Похвалы Го-
сударю. — Рѣчи членовъ Института. —
Засѣданіе Института.

Французы, копорыхъ знаменитѣйшіе соотечественные писатели проповѣдывали безвѣріе въ печеніи спольтія, были крайне удивлены набожностію Государя и Русскихъ. Покольніе, образованное въ правилахъ Вольпера и Дидерота, бывшее въ зрѣломъ возрастѣ своемъ свидѣтелемъ, что народный конвенсъ, директорія и Наполеонъ починпали вѣру единственно необходимымъ зломъ и орудіемъ къ доспиченію власти и удержанію ея, не могло не быть изумлено, взирая на благочестіе своихъ побѣдишелей, коего признаки поражали его даже въ самыхъ медаляхъ, успановленныхъ въ па-

мятъ опечесственной войны. Воптъ чпо
 помѣщено о семъ предметѣ въ одномъ
 изъ лучшихъ журналовъ погдашняго вре-
 мени, а періодическія сочиненія во Фран-
 ціи суть опголоски общаго мнѣнія: »Ни-
 »кпо не можешь придти въ себя, видя,
 »чпо Монархи Европы, копорые имѣли
 »право мстипь за сполько причиненныхъ
 »имъ оскорбленій и требовашь вознагра-
 »жденій разнаго рода, являюпся посреди
 »насъ избавислями, вмѣсто враговъ и
 »завоевателей, копорыхъ мы успраша-
 »лися. Спрашиваешся, чпо внезапно оп-
 »врапило отъ насъ грозу, копорая по
 »собспвенной винѣ нашей должна была раз-
 »разипься надъ нами, чпо смягчило сихъ
 »храбрыхъ воиновъ, копорыхъ мы ожес-
 »почали и возспановляли противъ себя?
 »Надобно сознаться, чпо это религія,
 »она образовала священный союзъ ихъ для
 »блага человѣческаго рода, всѣ войны ихъ
 »носятъ знаки ея на своей одеждѣ. Ни-
 »какая другая человѣческая причина, не
 »могла подвигнуть ихъ къ шѣмъ по-
 »жертвованіямъ, копорымъ нѣптъ при-
 »мѣра въ Испоріи.« »Мы слышали,« го-
 »вориптъ другой журналистѣ, »чпо моло-
 »дые Русскіе офицеры рассказывали, въ
 »самый день поржеспвеннаго вступленія

»своего въ Парижъ, о подвигахъ своихъ
 »опъ Москвы до Сейны, какъ о дѣлахъ,
 »въ копорыхъ они были предводимы про-
 »мысломъ Божиимъ; себѣ они предоспав-
 »ляли только шу славу, чпо они были
 »избраны орудіемъ Его милосердія. Они
 »описывали побѣды свои безъ воспорага
 »и въ шакихъ проспыхъ выраженіяхъ,
 »чпо мы думали, чпо они о семъ усло-
 »вились изъ особенной учпивости. Они
 »намъ показали серебряную медаль, ко-
 »порую Генералы и солдапы носятъ въ
 »видѣ знака опличія. На одной споронѣ
 »сей медали изображено око провидѣнія,
 »а на другой слова изъ священнаго писа-
 »нія: не намъ, не намъ а имени пвоему.»

Наши солдапы, которыхъ содержали
 въ такой же подчиненности, какъ и въ
 Россіи, обходились самымъ дружескимъ
 образомъ съ обывателями городовъ и де-
 ревень. Въ Парижѣ расположены были
 только опборныя войска; роспъ ихъ,
 сила, проспона образа жизни, и самос
 псвѣденіе мѣспъ, куда они были заведены
 службою, все сіе возбуждало любопыт-
 ство Французовъ. Одинъ писатель ихъ
 изображаетъ въ сихъ словахъ нашъ лагерь:
 »Множество Парижанъ бываютъ въ Ели-
 »сейскихъ поляхъ, чпобы видѣпъ бива-

»ки конныхъ полковъ Россійской гвардіи,
 »въ копорыхъ люди необыкновенной ве-
 »личины и плѣсной крѣпости; иные ка-
 »жущя въ сажень. Доспойно удивленія,
 »какъ люди и лошади сохранилися въ полъ
 »хорошемъ соспоаніи, попому чпо они
 »пришли изъ опдаленныхъ земель, были
 »въ частыхъ сраженіяхъ, и прсперѣли
 »жеспкою и продолжипельную зиму.
 »Парижане, почитавшіе Бельвиль и Ар-
 »жаншейль, Сенклу и Медонъ границею
 »сѣна, они, копорымъ военные спаны
 »извѣспны полько по разеказамъ сыпо-
 »вей ихъ, смотряпъ съ удовольспвіемъ на
 »биваки, успроенные посреди ихъ горо-
 »да. Оспатки сѣна, копорого лошади не
 »сѣли, служатъ солдатамъ постелью.
 »Пуки соломы покрываюптъ копля ихъ,
 »приспавленныя къ деревьямъ, чпо обра-
 »зуетъ родъ кровли, а подъ оною нахо-
 »дяпся всадники и имущеспво ихъ. Пе-
 »редъ каждымъ бивакомъ разложены огни,
 »гдѣ варяптъ пищу; здѣсь видипсе воина,
 »копорой рѣжетъ мясо, другой рубиптъ
 »дрова, иной чиспиптъ оружіе или оп-
 »дыхаетъ, имѣя изголовьемъ сѣдло своей
 »лошади. Многіе изъ нихъ слушаюптъ съ
 »удовольспвіемъ, какъ бы разумѣя, замѣ-
 »чанія прогуливающихся на счепъ обы-

» часевъ ихъ; опвѣповъ же, дѣлаемыхъ ими
» на наши вопросы, мы или не понимаемъ
» во все, или только опчаспи по шѣлдви-
» женіямъ, въ которыхъ видно добродушіе
» ихъ и искреннее съ нами согласіе.»

Не возможно и намъ забыть ласковаго обращенія Парижанъ, которыхъ дома и сердца были опкрыты для Русскихъ; появленіе нашихъ офицеровъ возбуждало не рѣдко рукоплесканія въ театрахъ, которые, особенно въ первое время, оглашались восклицаніями: да здравствуютъ Русскіе! Тоже случалось и въ кофейныхъ домахъ, гдѣ сначала хозяева не хопѣли брать съ Русскихъ денегъ. Чшо признапельность къ намъ Французовъ была искренная, а непришворная, шому видны были ежедневно доказательства; между прочимъ многія селенія просили изъ милоспи о перевезеніи къ нимъ нашихъ офицеровъ, дабы имѣшь возможность оказать имъ всякое зависящее опъ нихъ вспомошествованіе. Русскіе вообще обязаны признапельнымъ воспоминаніемъ Парижанамъ, за то, чшо они болѣе прочихъ чужеспранныхъ народовъ цѣнили доблести Александра и подвиги нашихъ войскъ.

Можно удобнѣе вообразить, нежели описать спеченіе народа, когда Государь въ первый разъ посѣпилъ театръ. Назначено было предспавлять Траяново торжество; но передъ самымъ прибытіемъ Императора поднялся занавѣсъ и объявили, что Его Величеству не угодно принять на свой счетъ похвалъ, коими исполнена сія опера и, посредствомъ которыхъ Французы желали принести побѣдпелю дань своей благодарности, почему предспавляли Веспалку. При появленіи Государя ликованія, которыя, казалось, потрясали огромное зданіе театра, продолжались болѣе четверти часа и были повторены во весь вечеръ. Во время междуѣйствій зрители, недовольствуясь, что музыканты играли народную пѣсню Гейнриха четвертаго, желали, чтобы извѣстный актеръ Лаисъ ее пропѣлъ. Онъ вышелъ съ бумагою въ рукахъ, и на сей голосъ раздался въ честь Государя стихи, которые сдѣлались въ скоромъ времени общенародными.

Такимъ образомъ пропекало время въ Парижѣ; Французы и Русскіе предавались искренней радости; первые, потому, что избавились отъ ига, ихъ угнетавшаго, а вторые, что опмспили за опе-

чество и достигли окончанія войны самымъ блистательнымъ путемъ. Весеннее солнце не сходило съ небосклона, улицы и гулянья наполнены были съ утра до вечера множествомъ народа; смѣло можно сказать, не опасаясь упрёка въ лесть, что предметомъ общихъ разговоровъ было великодушiе Государя, прославляемое художниками и писателями. Не проходило дня, чтобы живописцы и ваятели не являлись съ Его изображенiемъ, а стихотворцы съ произведенiями пера своего въ честь Его Величества. Не было словъ въ Парижѣ и Франціи, которое бы не превозносило Государя при всякомъ случаѣ. Въ главномъ уголовномъ судѣ происходило въ то время первое публичное засѣданiе; извѣстный краснорѣчiемъ своимъ Белларъ, прежде нежели приступилъ къ изложенiю пикеты, сказалъ: «Герой почти баснословный, отличный своимъ плѣнительнымъ обращенiемъ, столько же какъ и рыцарскими добродѣтелями; Онъ, коего имя, покрытое уже съ давнихъ вѣковъ другаго рода славою, украшается нынѣ единственною и новою славою въ Испорiи, научая Европу, что сила оружія, которая покровительству-

»ещъ и мнлуешъ, можешъ испоргахъ
»слезы умиленія.«

Во Французскомъ Инспинупъ профессоръ краснорѣчія Виллемень говорилъ:
»Александръ, по великодушію своему, яв-
»ляешъ взорамъ нашимъ одно изъ тѣхъ
»лицъ, каковыя находимъ въ древней Ис-
»торіи, исполненное спрасію къ славѣ.
»Могущество Его и лѣна ручающія за
»продолжипельный миръ въ Европѣ. Ге-
»ройскій характеръ Его, совокупяся съ
»просвѣщеніемъ, свойспвеннымъ новѣй-
»шимъ народамъ, упрочипъ оный; Онъ
»воскресипъ въ большемъ блескѣ образъ
»Монарха-Философа, представленный Мар-
»комъ Авреліемъ, и мы наконецъ увидимъ
»на престолѣ мудрость, вооруженную
»властію, спольже обширною, какъ и же-
»ланія, дѣлаемыя ею для блага чѣловѣче-
»ства.« Когда Государь принималъ членовъ
сего ученаго сословія, по Предсѣдатель
оного сказалъ: »щаспіе наше еспъ плодъ
»Вашихъ благодѣяній и побѣдъ. Вы нау-
»чили побѣдипелей новому способу пор-
»жеспвовапъ. Бѣдспвія вселенной дока-
»зываютъ, что до сихъ поръ не знали,
»въ чемъ соспоипъ настоящее величіе;
»опнынъ не будущъ удивляпъся величію,
»сопуспспвуемому ужасомъ; оно тогда

»только можетъ быть признано справед-
 »ливымъ, когда соединено съ любовью.
 »Удивленіе наше совершенно; мы не хва-
 »лимъ, Государь, но мы благословляемъ.«

Мнѣ случилось быть въ засѣданіи
 сего Института, происходившемъ въ
 присутствіи Государя и многочисленна-
 го, блестящаго собранія. Историкъ Ла-
 крепель привѣщивалъ Государя рѣчью,
 въ которой, упомянувъ о томъ славномъ
 времени для наукъ, когда Петръ Великій
 углублялся въ оныя во Франціи, сказалъ:
 »Съ какимъ успѣхомъ созрѣли плоды про-
 »свѣщенія, которое Петръ здѣсь почер-
 »палъ! съ какою мздою Александръ воз-
 »даешь намъ то, что Предокъ Его, пре-
 »образовавшій свое Царство, заимство-
 »валъ у насъ.« Лакрепель заключилъ рѣчь
 сими словами: »Въ тотъ день, который
 »могъ быть для насъ столь ужасенъ, но
 »который не произвелъ никакого смяте-
 »нія, мы говорили какъ Филоклетъ Со-
 »фокловъ: Воины, не являющіе въ себѣ
 »враговъ нашихъ! сколь намъ сладостно
 »слышать изъ вашихъ успѣ звуки на-
 »шего природнаго языка.«

Слѣдующая статья, помѣщенная въ
 то же время въ одномъ журналѣ, предла-
 гается здѣсь въ переводѣ. Чипапелли

успомянуть изъ оной лучше всякихъ похвалъ, копорыя подъ перомъ Русскаго могоуша показаться приспращеными, чувства, одушевляющія къ Александру народъ, Имъ покоренный: »какое величественное зрѣлище являющъ нынѣ сіи Монархи, копорыя пришли сюда съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы обезпечить спокойствіе наше и благополучіе! И такъ Франція, изнемогающая подъ тяжкими ранами, копорыя не могли сокрыться въ блескъ побѣды, и удрученная своими завоеваніями, должна была найти въ бѣдствіяхъ своихъ конецъ злополучіямъ. Кто бы подумалъ, и могла ли она надѣяться, что ея спасеніе изойдетъ изъ спранъ, копорыя она разоряла? Могла ли она ожидать, что вмѣсто мщенія увидитъ въ ожесточенныхъ сю и поржествующихъ врагахъ своихъ, кротость и милосердіе, соединенныя съ привѣтливостію, копорая украшаетъ человѣчество и удваиваетъ цѣну благодѣяній?»

»Съ давнихъ лѣтъ мы опыкли видѣть верховную власъ, окруженную прелестями добродѣтели; давно уже мы не слышали сихъ утѣшительныхъ рѣчей, копорыя, будучи произнесены на престолахъ, проливаютъ въ сердца радость, сихъ

«словъ кропоспи и любви, соспавляю-
 щихъ настоящее краснорѣчіе Монарховъ,
 »попому чпо они супь самое убѣдипель-
 нное выраженіе могущества ихъ. О Типъ!
 »упѣха рода человѣческаго! о добрый
 »Гейрихъ, великій Людовикъ XIV, и пы,
 »нешаспный Монархъ, копорый на лоб-
 номъ мѣспѣ говорилъ о прощеніи! Нѣ-
 сколько словъ, сказанныхъ вами, повпо-
 ряются по нынѣ въ попоспвѣ и, слы-
 ша ихъ, мы проливаемъ сладкія слезы въ
 »сіи времена, когда привыкли полько
 »плаканъ оспъ горести.»

»Нѣкогда Исторія напишетъ имя Твое
 »подлѣ сихъ славныхъ именъ, о велико-
 душный Александръ, соединившій съ
 »изящностію великаго подвига, плѣни-
 тельность выраженія и, копорый дока-
 заль, чпо Ты не токмо умѣешь дѣлать
 »добро, но чпо Ты прекрасно оное шво-
 ришь. Ты насъ мгновеноно переселилъ, пакъ
 »сказать, въ другія времена, Ты намъ
 »далъ дышать новымъ воздухомъ, воз-
 »вращилъ пѣ ощущенія, копорыхъ не-
 щастія, продолжавшіяся слишкомъ дол-
 го, по видимому уже насъ навсегда ли-
 »шали. Пріими награду за сіи щедроты;
 »мы Тебя почили; Ты говорилъ съ наро-
 домъ, Тебя поспигающимъ. Завоевашель,

»носившій въ древности Твое имя, окро-
 »вавилъ вселенную, чптобы его похвалили
 »въ Афинахъ; одно движеніе Твоего серд-
 »ца было доспапочно, чптобы возбудилъ
 »восторгъ въ Парижъ и Франціи. На-
 »слаждайся здѣсь, въ сихъ новыхъ Афи-
 »нахъ, славнѣйшихъ нежели древнія, ща-
 »спливыми дарами, коими природа Тебя
 »наградила, наслаждайся любовію къ ис-
 »кусствамъ, копорыя будупъ соревновать
 »къ прославленію Твоему, уваженіемъ Тво-
 »имъ къ памяникамъ генія, копорымъ
 »побѣдоносная рука Твоя покровитель-
 »ствовала, симъ удивительнымъ примѣ-
 »ромъ просвѣщенія, подаваемымъ Тобою
 »воинственному юношескому, слѣдующе-
 »му за Твоими знаменами и, копорое
 »благородными поступками въ спѣнахъ
 »нашихъ явило себя достойнымъ имѣть
 »Тебя своимъ Царемъ, наслаждайся со-
 »вершенною нашею признапельностью.
 »Изгладящая слѣды бѣдствій, копорыя,
 »можепъ быпъ, причинило Твое оружіе
 »въ нашемъ опечесствѣ по жестокой
 »необходимости войны; но память Тво-
 »ихъ благодѣлій навсегда запечатлѣ-
 »лась въ сердцахъ нашихъ. Сила, какъ
 »варваръ, сжегъ столицу Аппики и Ге-

»ніа, не внимая взываемой памяти вели-
 »кихъ мужей, которые ее увѣковѣчили; но
 »Тебѣ не нужно было указывать на зна-
 »менишья шѣни, коимъ мы обязаны
 »нашею славою: краснорѣчивый и шайный
 »голосъ говорилъ Тебѣ въ глубинѣ души:
 »вопъ опечесиво Корнеля и Расина, Бос-
 »сюета и Бюффона.»

Въ исходѣ Апрѣля мѣсяца прибылъ въ Парижъ Лудовикъ XVIII, и былъ вспрѣченъ за нѣсколько спанцій Государемъ, который возврашилъ ему неприкосновеннымъ досполяніе предковъ его, избавивъ Францію опъ раздѣла. Примѣчательно, что ни одинъ Французскій писатель не упоминаетъ о семъ благодѣяніи, оказанномъ Александромъ опечесиву ихъ; полагаю должно, что они дѣлаютъ это по невѣденію, попому что нѣтъ другой причины умалчиваюъ о поступкѣ, копорому они обязаны величайшимъ счастіемъ, по есть, бытъ народомъ независимымъ, и самоспопсельнымъ. 18 Мая подписали миръ и пушечные выстрѣлы возвѣспили, что для Европы наспала новая эпоха. Доведа войну до желаннаго конца, Государъ осмотрѣлъ въ послѣдній разъ войска свои и опправился въ Лондонъ,

черезъ чепыре дня послѣ заключенія мира, обѣщавъ союзникамъ прїѣхать осенью въ Вѣну для совѣщанія оделахъ всѣхъ державъ, но́о всѣ, болѣе или менѣе, пострадали опть перевороповъ и продолжипельныхъ войнъ. Тогда же караулы сданы были національной гвардіи, и наша армія предприняла обратный походъ изъ Франціи; Сакенъ сложилъ съ себя званіе Генераль-Губернатора и городовое правленіе поднесло ему въ знакъ признашельности шпагу.

Такимъ образомъ совершилося пребываніе Русскихъ въ Парижѣ, которое исполнилъ позднихъ полпомковъ благоговѣніемъ къ имени Александра. Онъ забылъ грабсжи и пожары въ своемъ Царствѣ, уважилъ памянники враговъ своихъ, избавилъ ихъ опть порабощавшаго ига, пригласилъ на пресноль древній родъ Королей, возвратилъ двѣсти тысячъ плѣнныхъ, почпилъ воиновъ, сражавшихся въ непріятельскихъ рядахъ, обезпечилъ бытіе и соспояніе падшаго своего соперника и вознесъ Россію на такую спепенъ славы, на которой она прежде никогда не бывала. А вы, поржествовавшіе въ по время подъ знаменами Александра и, ко-

порыхъ уже такъ не много остается
въ рядахъ нашихъ, сколь утѣшительно
для васъ помышлять, что время сіе бу-
детъ навсегда украшеніемъ Испоріи
Россіи!

Г Л А В А VII.

ДЮСИСЬ.— ЛАФАЕТЪ.— РАМЕЛЬ.— ПЛАНЪ
ВОЗВРАЩЕНІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.— МНѢНІЯ
ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНИИ.— ГЕТТИНГЕНЪ.—
МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.— ВОЗВРАЩЕНІЕ
ГОСУДАРЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.— ПРАЗДНИКЪ
ВЪ ПАВЛОВСКѢ.— ОШЪВЪЗДЪ ВЪ ВѢНУ.— ВАР-
ШАВСКОЕ ГЕРЦОГСТВО.— ВѢНА.

ИЗЪ числа многихъ извѣстныхъ лю-
дей, находившихся тогда въ Парижѣ,
упомяну здѣсь о прехъ, съ коими я имѣлъ
случай познакомиться, а именно: о Дю-
сисѣ, Лафаетѣ и Рамелѣ.

Я нашелъ въ Дюсисѣ одного изъ тѣхъ
щасливцевъ, копорые въ масшипой
спарости сохраняютъ душевныя способ-
ности зрѣлаго возраста; спрасшнаго лю-
бителя природы, нѣжнаго опца семей-
ства и равнодушнаго къ почестямъ и
богатствамъ. Нельзя было слушать безъ
восхищенія сего Пестора словесности,

когда онъ чиналь наизусть вдохновенное посланіе, сочиненное имъ на восемьдесятъ первый годъ своего рожденія, и когда рассказывалъ освоей жизни, исключитель-но посвященной служенію Музъ, коихъ онъ почитался тогда во Франціи перво-священникомъ. Беседа его украшалася множествомъ любопытныхъ анекдотовъ объ ученыхъ, съ коими онъ находился въ дружескихъ связяхъ, и опличнѣй-шихъ путешественникахъ, которые въ печеніи полуѣвка прѣзжали въ Парижъ и искали его знакомства. Онъ жилъ при дворѣ Бурбоновъ, видѣлъ ужасы револю-ціи и владычество Наполеона, неодно-кратно спаравшагося склоняшь его на принятіе Сенаторскаго званія; но Дю-сисъ не рѣшался промѣнять на оное у-единенныхъ своихъ прогулокъ въ окрес-ностяхъ Версаля и независимости, чини-мой имъ выше всего на свѣтѣ. — «Какія
» были самыя щасливывя минуны вашей
» жизни, « спросилъ я его? — « Я почишаю,
» опвѣчалъ онъ, высшею наградою моего
» поэтического поприща, когда я увидѣлъ
» мою мать въ слезахъ при представленіи
» одной изъ моихъ трагедій « — « Другое
» происшествіе, случившееся недавно,
» продолжалъ онъ, пронуло меня до глу-

»бины души. Лудовикъ XVIII, по возвращеніи въ Парижъ, послалъ за мною; «когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ »встрѣпилъ меня, произнесъ четыре стиха изъ моего Эдипа. Государь, сказалъ я »ему, Буало и Расинъ имѣли честь читать произведенія свои вашему дѣду, »а миѣ суждено безпримѣрное щастіе слышать стихи мои изъ устъ моего Короля.»

Лафаетъ, по ловкости своей, самый любезный человекъ въ обществѣ, за обѣдомъ онъ говорливъ какъ Французъ; но разсмащивая внимательно рѣчи его и поступки, я нашелъ въ немъ разительное сходство съ фанатиками средних вѣковъ, съ пою разницею, что сіи, проповѣдуя кротость и милосердіе, сожигали противниковъ своихъ на кострахъ, а онъ, ополчаясь замнимую независимость народовъ въ обоихъ полушаріяхъ, ниспровергаетъ существующій порядокъ вещей и, подъ личиною любви къ человечеству, вовлекаетъ въ гибель несчастное множество семействъ. Не взирая на преклонныя свои лѣта и многотрудныя приключенія, случавшіяся въ его жизни, онъ защищаетъ свои правила съ жаромъ юноши, котораго не ослабили старость и несчастія его опечесива. Однажды мы

ѣхали съ нимъ въ каретѣ; дорогою онъ завелъ рѣчь о свободѣ писненія и на опроверженія мои о пагубныхъ послѣдствіяхъ, опъ оной происходящихъ, сослался на сѣверную Америку. »Не ближели, сказалъ я, опуская спекло кареты, »взглянуть на улицы эшаго города, въ »которомъ сотни тысячъ людей запла»пили жизнию за невозможность приве»сти теоріи ваши въ исполненіе?«

Рамель управлялъ три года финансами при народномъ конвенсѣ и директоріи; когда ассигнаціи потеряли совершенно свое достоинство и наличныя деньги только что начали показываться въ обращеніи. Онъ оживилъ Государственный кредитъ, потрясенный насильственными мѣрами Якобинцевъ, а что не менѣе важно, оставилъ память своихъ дѣйствій въ сочиненіи своемъ о финансахъ Французской республики, заслуживающемъ тѣмъ большее вниманіе, что въ новѣйшія времена рѣдко Государственные люди передаютъ грядущимъ поколѣніямъ наблюденія, сдѣланныя ими въ опправленіи своихъ должностей: крайней мѣрѣ они не могутъ опозваться не достаткомъ времени, послѣтвореній Сюлли, Неккера и Гарденберга. Будучи въ ду-

нѣ республиканцемъ, Рамель проситъ и скромнѣ въ обращеніи. Онѣ принадлежитъ къ немногому числу Министровъ Финансовъ, копорые отдають полную справедливость Адаму Смишу и Физіократамъ, за исключеніемъ однакоже такъ называсяго сими послѣдними, единственнаго налога. »Свобода промысловъ, « сказалъ онѣ мнѣ, »естъ лучшее ободреніе для оныхъ и уничтоженіе таможенъ нужно для благосостоянія Франціи. Если бы Наполеонъ, « продолжалъ онѣ, »вмѣсто континентальной системы, »допустилъ совершенную свободу торговли въ подвластныхъ ему земляхъ, то »довелъ бы Англію до крайности.«

По выспуленіи войскъ нашихъ изъ Парижа я былъ въ нерѣшимости, какимъ образомъ устройтъ обратное мое путешествіе въ Пестербургъ. Сперва я располагалъ ѣхать въ Англію, но помышляя, что тамъ надобно бытъ въ непрерывной дѣятельности для обозрѣнія множествя любопытныхъ предметовъ, копорые находясь въ семъ Государствѣ, опложилъ сіе намѣреніе, ибо послѣ трехъ походовъ чувствовалъ необходимость отдыха. Я какъ теперь помню радость мою, когда оставшись въ Парижѣ одинъ и безъ

занятій по службѣ, я сѣлъ въ Тюльерійскомъ саду подъ тѣнь вѣшвистаго дерева, въ увѣреніи, что меня никто не попревожитъ. Попомъ я думалъ плыть изъ полуденной Франціи въ Италію, посѣпшиъ грознаго узника на оспровѣ Эльбѣ и поклонитъся гробу Виргилія. Изъ Италіи я хотѣлъ направитъся къ оспровамъ Архипелага, взглянуть на Афины, Спарту и Константинополь и возвратитъся въ Россію чрезъ Балканы, не предполагая, что въ послѣдствіи судьба приведетъ меня по сей дорогѣ съ Россійскими орлами къ врагамъ Византіи. Сіе прекрасное предначертаніе нѣсколько дней меня занимало, но опасаясь прошивныхъ вѣспровъ и оспановки въ каранпинахъ, я избралъ другой планъ, который хотя менѣе тѣшилъ мое воображеніе, но болѣе удовлетворялъ поспребностямъ сердца. Я вознамѣрился ѣхатъ въ незабвенный для меня Гешпингенъ, а попомъ моремъ изъ Любека въ Кроншпашъ.

Въ исходѣ Маія я проспился съ Парижемъ: путь сокращали разговоры съ двумя товарищами о необыкновенныхъ событіяхъ, кои совершились въ нашихъ глазахъ, о разныхъ приключеніяхъ въ по-

ходахъ, роскошномъ Парижѣ и порожествѣ Россіи. Дорогою Французы сморзли на насъ ненавистнымъ окомъ, а особенно военные, ибо съ возстановленіемъ Бурбоновъ исчезли мечты ихъ о пріобрѣтеніи почестей, богатствъ и славы, которыми прежній обладатель льстивилъ ихъ легкомыслию. Сіи люди, порожденіе многолѣпныхъ войнъ, возросшіе въ праздности биваковъ, не знавшіе другаго опечества, кромѣ своего полковаго штаба, другихъ уптвхъ, кромѣ злоупотребленія права сильнаго, гоповы были, для наполненія пустошы своего существованія, возжечь снова пламень всемірной войны. Но едва мы перѣехали Рейнъ, какъ были свидѣтелями совсѣмъ иныхъ явленій: Нѣмцы поспигали благодарія, долженствовавшія послѣдовать опъ заключенія мира. Блескъ, копорымъ покрылося Россійское оружіе, и подвиги Александра, избавившаго Германію опъ ига, были ими въ полной мѣрѣ признаваемы; они повсюду насъ принимали самымъ радушнымъ образомъ; названіе Русскаго офицера было тогда лестнѣе всякаго громкаго пипла.

Да позволено мнѣ будущъ посвяпипъ нѣсколько строкъ признапельности мѣс-

шу, въ копоромъ я получилъ образованіе. Я пріѣхаль въ Геппингенъ уже поздно вечеромъ и почти побѣжалъ по городу, гдѣ провелъ при щасливѣйшихъ года въ такомъ возрастѣ, копорый можно назватъ цвѣтомъ нашего бытія. Каждый домъ, каждое дерево, все говорило мнѣ знакомымъ, привѣпнымъ языкомъ. Случалось мнѣ вспрѣчь нощную звѣзду на берсгахъ Лемана, въ развалинахъ Помпей и на Капполійскомъ холмѣ, но сколь ни велико было наслажденіе посреди сихъ классическихъ мѣспъ, однако же оно уступало удовольствію, копорое я ощущалъ нощью, увидя себя вновъ посреди усдиненнаго Геппингена. Въ слѣдующіе дни я посѣпилъ Венде, Плессу, Маріенширингъ; все въ нихъ сохранило прежній цвѣтуцій видъ свой, но я груспилъ, ибо видѣлъ, что измѣнился полько одинъ я, что прошло уже время независимости, посвященной исключительно наукамъ и природѣ, и что не было уже болѣе вокругъ меня друзей юности, съ коими здѣсь мы пивали чашу невинныхъ радостей, не вѣдая, что каждый изъ насъ будетъ, болѣе или менѣе, увлеченъ вихремъ полипическихъ происшествій, копорыи были для насъ тогда покрыты непро-

*

ничаемою завѣсою. Какъ сильно заблуждаются порицатели Германскихъ Университетовъ, представляющіе сіи свѣтилица музъ вершениами разврата! Они основываютъ сужденія свои на словахъ путешественниковъ, выдающихъ мимоѣздомъ студентовъ, которые въ спранныхъ одеждахъ, съ усами и звонкими шпорами ходятъ по улицамъ; но сіи путешественники, встрѣчая повѣсь, не могутъ видѣть несравненно большее число тѣхъ молодыхъ людей, которые съ ранняго утра до поздней ночи трудятся въ своихъ скромныхъ кабинетахъ. Ежели и выходятъ изъ Университетовъ юноши безирасивенные, какъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній, по число ихъ ничтожно въ соразмѣрности къ тѣмъ, которые съ непоколебимою вѣрностію служатъ своимъ Государямъ и дѣйствуютъ съ просвѣщеннымъ умомъ къ пользѣ общей, въ кругу, для нихъ судьбою назначеномъ.

Неблагопріятный вѣперъ задержалъ насъ нѣсколько времени въ Травеминдѣ, гдѣ единственная отрада моя состояла въ прогулкахъ вдоль песчаного берега моря. Неизмѣримое пространство онаго, глухій ревъ раздроблявшихся валовъ и со-

вершенное безмолвіе, царствовавшее повсюду, располагали меня еще болѣе къ помышленію о шумномъ Парижѣ, копорый я такъ недавно оставилъ, о золотыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Геттингенѣ и свѣплыхъ надеждахъ, представлявшихся тогда для будущности Россіи. Наконецъ распустили паруса и дня черезъ два мы увидѣли Борнгольдъ, копораго имя, со времени Карамзина, сдѣлалось принадлежностію Русской словесности; Финской заливъ устьянъ былъ кораблями; великое число ихъ свидѣльствовало объ оживленіи торговли.

Государь возвратился въ Іюль мѣсяца въ Петербургъ, послѣ полушорогодичнаго отсутствія, и черезъ нѣсколько дней, окруженный Генералами, вмѣстѣ съ Нимъ подвизавшимися, ѣхалъ верхомъ, въ Казанскій соборъ, служить благодарственнй молебецъ. Безчисленное множество подданныхъ подцились вокругъ обожаемаго Монарха, Который первый, послѣ Петра Великаго, лично предводительствовалъ своими войсками, а когда Онъ преклонилъ колѣна, что казалось, что добрая, Ангельская душа Его парила къ небесамъ. Вскорѣ прибыла гвардія и начался праздники, изъ коихъ примѣчатель-

нѣйшій былъ въ Павловскѣ, гдѣ на открытомъ воздухѣ актеры представляли различныя дѣйствія, относившіяся до минувшей войны. Послѣ театра данъ балъ, а потомъ ужинъ, приготовленный въ палаткѣ, на которой большими, ярко освѣщенными буквами, было написано: «побѣди пелямъ.» Во время споланья Лабанова пѣсню:

Бѣдилъ Русской Бѣлой Царь

Изъ своей земли далеко,

которая была принята военными съ восторгомъ, изъясненнымъ рукошесканіями, и требованіемъ, чтобы ее повсюду рили.

31-го Августа я получилъ приказаніе отправиться въ Вѣну, гдѣ назначался конгрессъ для общаго примиренія Европы. Въ Пешербургской и Псковской губерніяхъ, чрезъ которыхъ я ѣхалъ, не было ни какихъ приготовленій для пріема Государя, но далѣе я встрѣчалъ на каждой почтѣ дворянскихъ предводителей и гражданскихъ чиновниковъ и находилъ обѣды и завтраки, на которые временные хозяева приглашали меня самымъ уч-

пивымъ образомъ. Казалось, будто въ привѣтствіяхъ ихъ слышны были слова: »забудьте прошедшее.« Въ Вишебскѣ собрались вокругъ меня люди разнаго званія; на вопросъ мой: много ли жипелей вышло изъ города при приближеніи непріятеля? одинъ молодой купецъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на споявшихъ вблизи Евреевъ и другихъ, отвѣчалъ съ жаромъ: »ни одинъ Русской въ то время въ городѣ не оспался.« Вскорѣ я переѣзжалъ черезъ Березину, которую мы такъ часто разсмапривали на каршѣ въ Тарупинскомъ лагерѣ, полагая, что на оной должны кончиться бѣдствія Россіи. Вообще отъ Двины до Иѣмана рѣдкой городъ не ознаменованъ какимъ либо происшествіемъ опечеспвленной войны. Если Лаціумъ и Пелопонисъ причисляюпъ къ классическимъ странамъ, то почему не именовать таковымъ край, гдѣ Россія боролася съ Европою? Преданіе о сей брані должно переходить, какъ драгоцѣнное наслѣдство, изъ рода въ родъ, и если бы когда нибудь облака помрачили горизонтъ Россіи, то пусть попомки, освѣжа въ памяти своей событія роковаго года, воскресяпъ славу нашего опечеспва!

Н*** ожидалъ прибытія Государя въ Брестъ Лишовскомъ, чпобы предварить Его Величествѣ о посланныхъ Варшавскаго Герцогства, оспановившихся въ мѣстечкѣ Бѣломъ, гдѣ они между собою поспорили за то, что не соглашались, кому изъ нихъ привѣтствовать Императора. Жители Герцогства, съ которыми я имѣлъ случай дорогою разговаривать, ожидали съ неперпѣніемъ опредѣленій Конгреса, полагая на вѣрное, что опечество ихъ будетъ возстановлено. Какъ побѣжденные, они не имѣли на то ни какихъ правъ; даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы Конгресъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность возобновить политическое бытіе разныхъ народовъ, утратившихъ оное со времени Французской революціи, то ему слѣдовало бы предпочтительно заняться участію Венеціанской и Генуэзской республикъ, издревле славныхъ науками, художествами и торговлей. Что касается до того обстоятельства, буди бы раздѣлъ Польши нарушилъ политическое равновѣсіе Европы, то и сіе несправедливо, ибо съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка, положеніе всѣхъ державъ измѣнилось; однѣ

лишились своей независимости, другія ослабѣли, иныя распроспиранили предѣлы свои, и возстановленіе равновѣсія въ пакомъ видѣ, какъ оно существовало до революціи, сдѣлалось нынѣ одною мечпою, а раздѣлъ Польши, политическою древностію, неимѣющею болѣе ни малѣйшей практической важности.

Дорогу мою по Галлиціи и Моравіи я уподоблю прогулкѣ; красивыя мѣстоположенія начинающіяся отъ Біерска и продолжающіяся до самой Вѣны; мудрое Австрійское правительствво благодѣтельно спивуеетъ спранамъ, оному подвласпнымъ, и вездѣ видны слѣды благоразумныхъ законовъ, которыхъ неприкосновенность ограждается коллегіальными обрядами. 12-го Сентября я пріѣхалъ въ Вѣну и поселился въ Императорскомъ дворцѣ, гдѣ заспалъ все въ большой суматохѣ, подобно тому какъ въ частномъ домѣ наканунѣ какого нибудь пиршества. Въ это время уже находилось въ Вѣнѣ болѣе семидесяти особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ, многія изъ нихъ жили во дворцѣ; въ длинныхъ корридорахъ и огромныхъ залахъ онаго, встрѣчались лица всѣхъ Европейскихъ спранъ,

слѣдовательно говорящія на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ возможныхъ мундирахъ, такъ что въ первые дни эшо казалось настоящимъ маскарадомъ: не доставало только Паши и Султана.

ГЛАВА VIII.

Пріѣздъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. — Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Прибытіе на Конгрессъ разныхъ лицъ. — Талейранъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Представленіе Принцовъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса. —

13 Сентября громъ пушекъ возвѣстилъ прибытіе Государя; я поспѣшилъ въ назначенныя для Его Величества комнаты, копорыя наполнены были вельможами Австрійскаго двора и иностранцами, желавшими увидѣть Миропворца Европы. По знапности фамилій сихъ вельможъ и пріемамъ ихъ, легко можно было заключить, что они принадлежатъ къ древнѣйшему двору Европы. Австрія такое Государство, въ которомъ менѣе нежели въ какомъ либо другомъ, поселился духъ нововведеній;

памъ спаринные дворянскіе роды пользуются особеннымъ уваженіемъ, справедливо спяжаемымъ на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, и испинно барскимъ образомъ жизни въ своихъ-помѣспьяхъ, въ коихъ они проводятъ большую часть года.

Присупспвовавшія спуть же великія Княгини Марія Павловна и Екашерина Павловна, какъ бы посреді собспвенныхъ дворцовъ своихъ, угощали Эрцгерцоговъ и дамъ. Принцъ де Линь сказалъ: »Великая Княгиня Марія привязываетъ къ себѣ сердца, а Екашерина беретъ ихъ при спупомъ.« При Ихъ Высочеспвахъ находились посланники наши Графъ Головкинъ и Ханыковъ. Первый извѣспенъ болѣе умомъ своимъ, нежели посольствомъ въ Кишай, а второй сочинялъ прекрасные спихи на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Такъ въ Римѣ, въ царспвованіе Авгуспа, вельможи писали съ одинаковою легкостію спихи Греческіе и Лашинскіе,

Генераль Жомини предспавилъ меня Принцу де Линь, вкусу и дарованіямъ котораго Европа отдавала справедливостъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Но я видѣлъ въ немъ, такъ сказапъ, осташки того

исобыкновеннаго человѣка, которъй былъ душею общества Екатерины и Фридриха, Маріи-Аншпанскы и Юсифа, и, которъй для Русскихъ оспанешся незабвеннымъ, попому что, поспигнувъ геній великой законодательницы Россіи, онъ изобразилъ его съ благоговѣніемъ подданнаго и безпристрастіемъ иностранца. Видъ его споль важенъ, что я, незная его, спросилъ: Кто эстъ почтенный спарець? — Ему погда было около восьмидесяти лѣтъ, онъ былъ роспу високаго, имѣлъ уста краснорѣчивыя, глаза быстрые. Говоря съ нимъ о пребываніи его въ Россіи, я мысленно переносился во дни плаванія Екатерины по Днѣпру и воображалъ, какъ Она, съ высокихъ горъ Тавриды, показывая на страны, восхитыя Овидіемъ и увѣковѣченныя именемъ Ифигеніи, говорила Принцу де-Линь: »э-»шопъ берегъ Чернаго моря я жалую вамъ.« Я сдѣлалъ ему нескладное привѣтспвіе, ибо мнѣ спрашно было объясняться съ нимъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ бесѣдовалъ съ Жанъ Жакомъ и Вольперомъ. Примѣпя мое замѣшательство, онъ началъ говорить о нашей словесности. »Россія непоснижима!« сказалъ онъ, »Ломоносовъ и Державинъ соединяюшь

» съ Европейскимъ образованіемъ поня-
 » шія воспочныхъ народовъ, а сочине-
 » нія Шувалова, Головкина и Уварова спо-
 » япъ на ряду съ произведеніями лучшихъ
 » Французскихъ писателей.« Оцъ спихо-
 пворцевъ рѣчь перешла къ прозаикамъ,
 и Принцъ де Линь, узнавъ отъ Генерала
 Жомини, что я писалъ испорію прошед-
 шей войны, просилъ, съ свойственною
 ему въжливостію, позволенія перевести
 ее на Французской языкъ. »Эпо лучшее
 » средство прославить мое сочиненіе,«
 отвѣчалъ я.

Вскорѣ объявили о прибытіи Госу-
 даря во дворецъ и, какъ Принцъ де Линь
 былъ Капипаномъ гвардіи, то нашъ раз-
 говоръ прервался, и онъ занялъ мѣсто
 свое во фронтѣ. Сперва шли Императоры
 Александръ и Францъ, потомъ Король
 Прусскій вель обѣихъ Великихъ Княгинь,
 а позади ихъ слѣдовали прочіе Короли и
 Принцы, между коими находился и Эрц-
 герцогъ Карлъ, бывшій некогда защи-
 никомъ Германіи и посвятившій потомъ
 свои досуги описанію походовъ, спаса-
 вившихъ его, въ самыхъ молодыхъ лѣ-
 тахъ, на ряду съ опличнѣйшими пол-
 ководцами. Онъ худощавъ и невысокъ
 роспомъ, какая-то задумчивость видна

въ глазахъ его. Когда Монархи вошли во внутреннїя комнаты, по насъ пригласили къ роскошному столу Гофмаршала.

Въ печенїи всего Сентября мѣсяца прїѣзжали безпрестанно на Конгресъ владѣтельные особы, Послы и Министры державъ, депутаты вольныхъ городовъ и республикъ, и лица съ полномочїями разнаго рода; явилось большее число банкировъ, художниковъ, литераторовъ и путешественниковъ, привлеченныхъ любопытствомъ въ средопочїе погдашняго политическаго міра. Всѣ между собою знакомились, дѣлали другъ другу взаимныя посѣщенїя, заводили связи и слабѣйшіе старались частнымъ образомъ и побочными путями склонявъ заблаговременно голоса въ свою пользу; между нѣмъ какъ державы, имѣвшїя спопысечныя арміи въ подкрѣпленіе своихъ пребыванїй, спокойно ожидали опкрытія засѣданїй. Желанїя и виды были сплошь же различны, какъ и самыя выгоды каждаго Государства: однимъ было нужно расширенїе границъ, другїе просили только о возвращенїи прежнихъ владѣній, а земли, которыя въ послѣдніе годы утратили свое самостоятельное существованїе, и монар-

хи, лишившіеся пресполовъ, присылали, судя по возможности, явныхъ или тайныхъ своихъ представителей. »Какія суть »требованія Ганзеатическаго союза?« спросилъ я у Сенатора Шмюпа, уполномоченнаго отъ прехъ вольныхъ торговыхъ городовъ. Онъ отвѣчалъ: »Кольбертъ, предлагая Французскимъ купцамъ покровительство, желалъ знать, чѣмъ онъ можетъ быть имъ полезенъ? они сказали ему: не мѣшайтесь въ наши дѣла.«

Талейранъ, который здѣсь за нѣсколько лѣтъ предписывалъ законы, явился одинъ изъ послѣднихъ, съ лицомъ, на которомъ начертано было, что онъ соспарился въ чрезвычайныхъ переворопахъ, научившихъ его ничему не удивляться. Въ это время прибыла также Императрица Елисавета Алексѣевна, украшавшая пресполь-совершеннѣйшомъ женскихъ добродѣтелей. День пріѣзда ея былъ праздникомъ для Вѣнскихъ жипелей, но мы, Русскіе, выдавшіе Ее вблизи, врядъ ли будемъ въ соспоянніи выразить нѣ чувства, которыя мы къ Ней питали. Коронованнымъ Главамъ и полномочнымъ Посламъ Государь давалъ каждому порознь пріемныя аудіенціи, а для прочихъ Принцевъ крови назначенъ былъ день, въ ко-

порой ихъ пригласили всѣхъ вмѣстѣ. Число ихъ было такъ значительное, что они едва помѣстились въ довольно просторной залѣ. Смотря на нихъ въ этотъ день, я подумалъ, что почти всѣ они за нѣсколько лѣтъ попились такимъ же образомъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, во время правленія Наполеона, и, что они сожигали потѣшныя огни и праздновали, когда получали извѣстія о взятіи Смоленска и Москвы. Мысль сія такъ сильно мною овладѣла, что я дѣлалъ довольно лаконическіе ошвѣты, когда нѣкопорые изъ Принцевъ обращались ко мнѣ съ привѣтствіями. Видѣ подобоспросптія, съ какимъ они вперли взоръ на дверь, изъ которой надобно было выйти Государю, служилъ доказательствомъ благоговѣнія, исполнявшаго ихъ къ Его особѣ.

Въ скоромъ времени открылися за-сѣданія конгреса; описывать дѣйствія онаго военному, значило бы все равно, какъ дипломатическому чиновнику, пребывающему въ главной квартирѣ арміи говорить объ осадахъ и сраженіяхъ. Можно легко вообразить, что представители различныхъ Государствъ избраны были люди съ отличными способностями, или по крайней мѣрѣ такіе, кото-

рые почипалися за умнѣйшихъ. Русскіе полномочные были ничто иное, какъ исполнители предначертаній Александра, копорый вообще славою своею обязанъ только одному себѣ, -ибо по природнымъ дарованіямъ, образованію и проницапельности, Онъ споялъ на несравненно высшей степени, нежели всѣ Его окружавшіе; нравственнее Его превосходство было признано ими безусловно. Перемяна, происшедшая въ характерѣ Его со времени опечесственной войны, была очевидна; отбросивъ прежнюю къ себѣ недовѣрчивость, Онъ сдѣлался твердъ и предприимчивъ. Въ опношеніи къ чужестраннымъ державамъ положеніе Его было безпримѣрно; воспоржесствовавъ надъ ними силою, Онъ попомъ явился примирителемъ ихъ; враги Его, увѣренные въ Его правосудіи, избирали Его посредникомъ; а за безкорыстіе Его ручались самыя выгоды безпредѣльной Империи Его, для которой всякое излишнее распространеніе было вредно. »Симъ счастливымъ положеніемъ границъ нашихъ,« сказалъ мнѣ однажды Государь, »обязаны мы промыслу Божию, копорый поспавилъ Россію въ такое соспояніе, что ей не нужно новыхъ приобрѣщеній. По-

»сему она имѣетъ безпристрастный го-
 »дось въ полипическихъ дѣлахъ Европы,
 »подобно какъ въ часномъ быту чело-
 »вѣкъ, копорому не оспаешя ничего
 »желать, всегда бываетъ опкровеннѣе и
 »призывается другими въ посредники.
 »Эпо дало намъ большой перевѣсъ на Вѣн-
 »скомъ Конгресѣ и въ Парижѣ, какъ во
 »время перваго, пакъ и впораго нашего
 »памъ пребыванія.» Въ затруднитель-
 ныхъ случаяхъ, гдѣ полномочные Его
 встрѣчали прошивурѣчїя, Онъ лично
 велъ переговоры не покмо съ Монархами,
 но и съ Министрами, копорые проводили
 съ Нимъ наединѣ въ кабинетѣ по нѣс-
 кольку часовъ въ жаркихъ спорахъ. Миѣ
 случалоя не однократно приглашатъ къ
 Его Величеству Герцога Веллингтона,
 Лорда Каспелъре и Князей Талейрана,
 Гарденберга, Мешперниха и другихъ зна-
 менитыхъ дипломапиковъ, и слышатъ изъ
 ближней комнаты продолжительныя и
 громкія ихъ пренія, послѣ коихъ господа
 сивыходили иногда съ пламенными лицами.
 Россія не забудетъ, что въ роковое для
 Европы время, она имѣла Царя, копорый
 на ранномъ полѣ являлъ доблести, а въ
 Европейскомъ Аренагѣ, гдѣ надлежало
 разсѣчь новый Гордіевъ узелъ, удержавъ

*

за собою первенствующее мѣсто, не спрашивая возраженій искуснѣйшихъ Государственныхъ мужей своего вѣка и торжествовалъ надъ ними не силою, потому что она была здѣсь неумѣстна, но убѣжденіемъ и превосходствомъ умственныхъ своихъ способностей.

ГЛАВА IX.

Праздникъ въ Аугартенѣ.— Поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ.— Обѣдъ въ Энцерсдорфѣ.— Шенбрунѣ.— Римскій Король.— Праздникъ въ Пратерѣ.— Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго.

23-го Сентября давали въ шакъ называемомъ Аугартенѣ праздникъ въ честь инвалидовъ. Множество карсепъ и пѣшеходовъ покрывали улицы, ведущія къ сему саду, на воропахъ котораго помѣщена, по повелѣнію Императора Юсифа, слѣдующая надпись: »Мѣсто сіе посвящено народу почитателемъ его.« Монархи, Принцы и весь дворъ находились въ нарочно приготовленной для нихъ бесѣдкѣ. Инвалиды, которые въ Австріи имѣютъ особенный муциръ, открыли праздникъ; они проходили мимо сей бесѣдки по два въ рядъ и сѣли въ концѣ аллеи за длинные столы, поставленные около профессвъ,

на верху коихъ играли музыканты. Пошомъ бѣгуны и вольпижеры показывали искусство свое въ печеніи часа, а когда смерклось, то дворъ опсправился смопрѣшь объѣдъ преспарѣлыхъ воиновъ, которые привѣтспвовали Монарховъ громкими восклицаніями. Послѣ фейерверка надлежало проходить намъ сквозъ ворота, посспроенныя на подобіе Бранденбургскихъ въ Берлинѣ; мы едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли колонну, какую предполагали воздвигнуть въ Москвѣ изъ непріятельскихъ орудій; пушки посспавлены были одна на другую, а внизу находилоя грудное изображеніе Государя, вѣнчаемаго побѣдою. Я не понимаю какими глазами иностранцы смотрѣли на сей сподпъ, потому что всѣ Европейскія державы способствовали къ доставленію матеріаловъ для онаго. Императрица и Великія Княгини, недалеко опъ которыхъ я споялъ, были пронумы: я жалѣлъ, что темнона вечера не позволяла мнѣ видѣшь въ эту минупу лица Александра.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ сего праздника, Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ Государю обозрѣшь поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ. Намъ

сопутствовали двое Русскихъ Генераловъ, которые въ 1809-мъ году находились при Наполеонѣ; они рассказывали о дѣйствіяхъ Французской арміи, между тѣмъ какъ Эрцгерцогъ говорилъ о движеніяхъ своихъ войскъ: такимъ образомъ раскрылось предъ нами то, что происходило съ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Сперва мы поѣхали въ Аспернъ, гдѣ едва Французская армія не погибла, а какъ въ военной исторіи не была извѣстна причина, почему Эрцгерцогъ, послѣ уничтоженія мостовъ на Дунаѣ, не довершилъ пораженія своихъ непріятелей, то я чрезвычайно былъ любопытенъ знать, какимъ образомъ онъ объяснилъ се обстоятельство. Наконецъ я услышалъ, что Государь, какъ будто невзначай, предложилъ ему вопросъ о семъ, и Эрцгерцогъ отвѣчалъ: »что онъ имѣлъ недосыпнокъ въ снарядахъ.« Отвѣтъ сей не всѣмъ показался удовлетворительнымъ и многіе оспались при томъ мнѣніи, что Австрійскій полководецъ не воспользовался побѣдою, потому что онъ не воображалъ до какой степени Французская армія была разспросна. Она обязана спасеніемъ своимъ какъ сему заблужденію его, такъ равно и опчаянной

храбрости Массены, который со шпагою въ рукахъ, по на лошади, по пѣшкомъ, ободрялъ солдатъ своихъ, браня непріятелей и, крича, что они не осмѣлялся преслѣдовать ихъ. На цолѣ стоялъ еще дерево, близь котораго Наполеонъ, увидѣвъ раненаго Маршала Ланна, началъ упѣшивать сего стариннаго своего сподвижника, который оповѣчалъ ему, что бы онъ оставилъ его въ покоѣ и помышлялъ бы только о средствахъ извлечь армію изъ того ужаснаго положенія, въ какое онъ ее ввергнулъ. Когда мы подѣхали къ берегу Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку, что бы переправиться на островъ Лобау, то произошло внезапно общее между нами молчаніе, точно какъ будто бы каждый предавался размышленію, что на семь мѣсѣвъ могла рѣшиться судьба великихъ происшествій. Государь прервалъ сіе молчаніе, сказавъ: »какой человекъ! онъ поручаетъ погибающую армію Массенъ, а самъ ѣдетъ опдыхать и проводитъ ночь въ крѣпкомъ снѣ.«

Осмотрѣвъ поле сраженія при Аспернѣ мы прибыли около полудня въ Энциердорфъ, гдѣ былъ приготовленъ прекрасный обѣдъ. Предъ сполотъ мы Русскіе раз-

говаривали между собою, а Государь, замѣпя, что мы сполли поодаль всѣхъ, подошелъ къ намъ и сказалъ: »обращай-» песь какъ можно вѣжливѣе съ иносп-» ранцами; надобно имъ показатъ, что» мы не медвѣди.« Выпивъ за здоровье Эрцгерцога Карла, мы поѣхали въ Ваграмъ, гдѣ Наполеонъ, невзирая на выгодное мѣспоположеніе Авспрійцевъ, явилъ во всемъ блескѣ необыкновенныя свои способности. Эрцгерцогъ говорилъ объ оныхъ безъвсякаголицепріятій, какъ мужъ, цѣнящій высокое достоинство, и во весь эпопъ день плѣнялъ скромностію, приносящею ему плѣмъ болѣе чести, что хопя на сихъ поляхъ онъ и былъ побѣжденъ, но не помрачилъ воинской своей славы. Въ пять часовъ мы пріѣхали въ Дейчъ - Ваграмъ, гдѣ нашли ожидавшія насъ придворныя коляски, въ копорыхъ мы возвратились въ Вѣну въ прекраснѣйшій осенній вечеръ.

3-го Октября насъ пригласили въ Шенбрунъ, загородный дворецъ, опспо- лщій опъ Вѣны верстахъ въ трехъ, въ саду ксого построень на горѣ храмъ славы, нѣкогда любимое мѣсто Маріи Терезіи, опкуда она обозрѣвала столицу свою и ся окрестности. Подлѣ меня

стоялъ какой-то вѣжливый камергеръ, который называлъ мнѣ по именамъ присутствовавшихъ гнушь госпей, которыхъ я незналъ: »вошь Принць Альбани,« сказалъ онъ. — »Неужели,« спросилъ я, »другъ Винкельмана? — »Онъ самый, опъ вѣчалъ Камергеръ, и прекрасная Вилла »Альбани ему принадлежишь.« Я подошелъ къ Принцу; онъ говорилъ мнѣ о Винкельманѣ, который жилъ въ его домѣ, рассказывалъ много подробностей, касающихся до сего великаго писателя и, бесѣдуя объ изящныхъ искусствахъ и Римѣ, мы едва забыли, что находились посреди самаго блестящаго общества въ свѣтѣ.

Шенбрунскій дворець являлъ въ это время картину великой превратности счастья. Въ немъ живалъ Наполеонъ, послѣ двухкратнаго покоренія Вѣны, въ немъ подписалъ онъ миръ въ 1809 году, по силѣ котораго Австрія уступила ему проспранныя области, населенныя болѣе нежели тремя милліонами жителей, и въ этомъ самомъ дворцѣ помѣстили во время Конгреса сына Наполеонова. Я просилъ позволенія видѣть сего ребенка, коего рожденіе, воспѣтое и празднованное во всѣхъ частяхъ свѣта, казалось зало-

гомъ прочности новой полипической системы и, которъй едва вышелъ изъ колыбели, какъ уже сдѣлался игралищемъ судьбы. Меня повели въ комнашу, небогато убранную, посреди которой спояли ипри женщины въ черныхъ плапьяхъ, изъ коихъ одна, госпожа Монпешкью, держала за руку малюпку, имѣвшаго тогда чепыре года опъ роду. Гуспые бѣлые волосы, падавшіе локонами на плеча, осыняли прекрасные голубые глаза его и миловидное лицо, коего бѣлизна увеличивалася опъ черной гусарской курпки, украшенной звѣздою почепнаго легіона и премея небольшими орденами, учрежденными опцомъ его. Онъ любилъ посещенія военныхъ и со вниманіемъ осматривалъ мундиръ мой и шпагу. Воспитательница его сказывала мнѣ, что онъ часно швердилъ о Фоншенебло и Рамбули, и всякой день спрашивалъ о своемъ панинкѣ. Его окружали исключительно Французы; Немцовъ при немъ не было. Мишупъ черезъ десять послѣ меня, вошло къ нему нѣсколько Англичанъ, которые начали дѣлать нескромные вопросы, и я удалился.

Воспоминаніе Лейпцигскаго сраженія праздновали 6-го Окнября въ Прашеръ

объдомъ, за которымъ находилоя придцанъ пысячь войскъ. Они сперва проходили церемоніальнымъ маршемъ, во время коего Государь, по приближеніи гренадерскаго своего имени полка, спалъ въ головѣ онаго, обнажилъ шпагу и опдалъ чesпъ Императору Францу, что принято было Вѣнскими жителями съ большимъ удовольствіемъ, ибо никто сего неожидалъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіи парада не оплучался опъ своего кирасирскаго полка, командовалъ онымъ на Нѣмецкомъ языкѣ и также салюшовалъ Австрійскому Императору. По окончаніи угощенія народъ разсѣялся по Прагеру, которому нѣтъ подобнаго въ Европѣ. На этомъ прекрасномъ гуляньѣ каждой почти день гремитъ музыка, разѣзжаютъ щегольскіе экипажи, молодые люди рисуются на спашныхъ лошадяхъ, миловидныя дѣвушки подносятъ букеты изъ цвѣтовъ и безчисленное множество добродушныхъ Нѣмцовъ видятъ за круглыми столиками, или ходятъ пѣшкомъ по темнымъ каштановымъ аллеямъ. Не взирая на великое число посѣтителей, бывающихъ въ Прагерѣ, особенно по четвергамъ и въ воскресные дни, не видво шамъ ни одного полицей-

скаго чиновника; пишина и спокойствіе никогда ненарушаются, кажется, что всякой знаетъ свое мѣсто. Эрцгерцоги и военные являются во фракахъ и безъ орденовъ, которыми вообще въ Австріи награждаютъ съ величайшею скупостію; жадность къ достиженію знаковъ опличія, соспавляющая истинную бользнь нашего вѣка, въ Австріи еще неизвѣстна.

На слѣдующій день Государь пригласилъ болѣе прехъ сотъ особъ къ обѣденному столу въ великолѣпномъ домѣ Графа Разумовскаго, поселившагося въ Вѣнѣ. Кромѣ двухъ Императоровъ съ Ихъ супругами, четырехъ Королей и прирццати особъ, принадлежащихъ къ владѣпельнымъ домамъ, находились пущъ только военные, участвовавшіе въ Лейпцигскомъ сраженіи. Споловая зала, переспроенная для сего праздника изъ манежа, была убрана знаменами всѣхъ союзныхъ державъ и освѣщена шесстью спами лампами. На споллахъ возвышались воинскіе доспѣхи, соспавшіе изъ прехъцвѣпныхъ Французскихъ знаменъ, украшенныхъ орлами и круглыми щипами, съ означеніемъ сраженій, выигранныхъ въ послѣдніе походы. Такимъ образомъ каждый изъ присуспвовавшихъ видѣлъ передъ собою дни

собспвенныхъ своихъ подвиговъ или славы своихъ единосемцовъ, а для военнаго воспоминаніе естъ такое сокровище, котораго ни чѣмъ оцѣнить невозможно. Скромность не позволила начерпать побѣдъ, одержанныхъ въ опечесвленную войну; но для Русскихъ всего утѣшительнѣе было, что ровно за два года, въ эпоху самый день, непріятели выгнаны изъ Москвы и занялась заря свободы нашего опечесства. Государь за обѣдомъ преимущественно обращалъ рѣчь къ Эрцгерцогу Карлу и фельдмаршалу Князю Шварценбергу, котораго онъ два раза обнялъ, а Великая Княгиня Екатерина Павловна, выходя изъ за стола, подала ему руку, почему предводитель союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ шелъ впереди многихъ Эрцгерцоговъ и Принцевъ.

ГЛАВА X.

Поездка въ Венгрію. — Взглядъ на оную. — Славяне. — Премъ. — Национальный музей. — Взглядъ на Офенъ и Пестъ. — Представленіе Венгерцовъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины. — Гулянье на Маргаритиномъ острову. — Балъ у графа Шандора. — Отъездъ въ Пресбургъ. — Разговоръ о Венгріи. — Возраженіе. — Стихотворенія.

Какъ приятны минушы, когда говоримся ѣхавъ въ такое Государство, въ которомъ мы еще небыли! Мысль, видѣть новую землю, другихъ людей, слышать сужденія ихъ, распространить кругъ своихъ понятій, это занимаетъ воображеніе прелесными ожиданіями. Такъ радовался я при извѣстіи, что мнѣ предстоитъ поездка въ Венгрію, куда Государь отправлялся на пять дней вмѣстѣ съ Импера-

поромъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ, брапомъ его Вильгельмомъ и Эрцгерцогомъ Палашиномъ.

12-го Октяб^{ря} вечеромъ мы поѣхали изъ Вѣны прямо въ Офенъ съ пѣмъ, что бы на возвратномъ пути посѣпить Пресбургъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я находился уже въ предѣлахъ Венгрии, гдѣ увидѣлъ разбросанныя селенія, необработанныя поля, одѣтыхъ въ овчины бѣдныхъ, длинноволосыхъ крестьянъ, съ небрипыми усами. Спанціонные смотрители и чиновники, выходявшіе къ намъ на встрѣчу, всѣ въ гусарскихъ плапьяхъ: эшо одежда дворянства и даже ученыхъ и профессоровъ. Дорога шла болышею частію вдоль Дуная, на которомъ не было ни одного судна; кое-гдѣ показывались рыбацкія лодки; берега покрыты пролѣскомъ, и споявшія въ нѣкошорыхъ мѣстахъ надъ рѣкою утесистыя скалы придавали еще болѣе дикости сей картинѣ. Все напоминало мнѣ въ эшопъ день, что я уже не подъ небомъ щасливой Германіи, гдѣ мудрыя законы ограждаютъ права лицъ и собственности и гдѣ правоспвенность, распроспраненная во всѣхъ сословіяхъ, способствуешь съ своей эшо-

роны успѣшному дѣйствию законовъ. Въ полночь мы прѣехали въ Офенъ.

14-го Октябрю рано поушру, когда во дворцѣ еще все покоилось, я спустился съ горы, на которой стоишь замокъ, гуляя по Офену и ходилъ въ Песепъ, лежащій на проливномъ берегу Дуная, который здѣсь также широкъ, какъ Нева въ Пешербургѣ. Къ споронѣ Вѣны видны горы, а внизъ по печенію рѣки, взоръ перлетя въ необозримыхъ степяхъ. Въ скоромъ времени народъ меня окружилъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Русскаго; особенно подходили ко мнѣ Сербы и Славяне; нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ говорили мнѣ: «мы прѣехали въ Офенъ издалека, чпо бы увидѣшь Монарха Славянскаго поколѣнія. — » Все, чпо мы объ немъ слышали, прервалъ одинъ изъ нихъ, «увѣряетъ насъ, чпо Онъ печать Царей.» Выраженіе поэтическое, показывающее чувствва соплеменниковъ нашихъ и единоверцовъ, которые часто обращаются мысленно къ Россіи съ такими желаніями, какія исполняли Израильяны, во время плѣненія Вавилонскаго. Они рассказывали мнѣ о восхищеніи своемъ, когда узнали объ испребленіи непріятелей въ 1812 году. «Мы радовались,» говорили они, «чпо Бона-

» парше нашелъ преграду завоеваніямъ своимъ среди Славянскаго племени.« Одинъ ученый изъ сего народа, желавшій въ поплъ день поднести Государю книгу своего сочиненія, писалъ комнѣ письмо, въ которомъ между прочимъ сказано. » Я хопѣлъ воспользоваться симъ благопріятнымъ случаемъ, чшобы повергнушь книгу мою къ стопамъ всѣми обожаемаго Монарха Славянъ и доказать, чшо и мы Славяне, въ нашемъ уголкѣ земли, стараемся пребыть Славянами, прудимся надъ нашимъ языкомъ, любимъ науки и взираемъ съ привзанностію и благоговѣніемъ на Россію, какъ на великое опечество Славянъ.« Полипическое положеніе ихъ между прочимъ таково, чшо ежели кто изъ нихъ опличится заслугами, по сго жалууютъ въ Австрійскіе или Венгерскіе дворяне, ибо принято за правило, чшо Славянскихъ дворянъ существовать не можетъ.

Возвращаясь во дворець я встрѣпилъ Іеромонаха, живущаго чепыре года при могилѣ Великой Княгини Александры Павловны, погребенной въ мѣстечкѣ Иремѣ, лежащемъ въ семи верспахъ опѣ Офена, въ сторонѣ опѣ большой дороги. Богомольцы собирающся шуда во множествѣ въ нѣкоторыя праздники и благословляютъ

память усопшей, которая приобрѣла общую любовь въ теченіи кратковременнаго своего пребыванія въ Венгріи. Монахъ сказывалъ мнѣ, что изъ Принцевъ Австрійскаго дома только одна Императрица Марія Луиза посѣтила при немъ уединенный Иремъ.

Въ десять часовъ утра дворъ опсравился осматривать достойныя вниманія заведенія, находящіяся въ Офенѣ и Пештѣ. Примѣчательнѣе прочихъ національный Музеумъ, учрежденный для помѣщенія всѣхъ естественныхъ произведеній, добываемыхъ въ Венгріи. Въ ономъ находилась также древности ея, старинныя оружія, упвари, монеты, искусственные предметы, дѣлаемые туземцами, и сочиненія и карты, касающіяся до сего края. Графъ Сеченій, который въ 1802 году завѣщалъ Венгріи свою библіотеку, состоящую изъ опечесственныхъ книгъ, починается основателемъ сего заведенія. Примѣръ его нашелъ въ скоромъ времени подражателей и, по прошествіи трехъ лѣтъ, библіотека до того приумножилась, что надобно было перенести оную въ обширѣйшій противъ прежняго домъ. При семъ случаѣ родилась щастливая мысль, присовокупить къ книгохранили-

*

щу древности и всякаго рода предметы; предложеніе осемь было одобрено на Сеймъ, и въ скоромъ времени денежными и другими пожертвованіями, между коими важнѣйшее есть ботаническій садъ, подаренный Княземъ Грассалковичемъ, Музеумъ сей доведенъ до степени, соотвѣтствующей цѣли его учрежденія. Въ немъ заключается десять тысячъ книгъ, касающихся до Венгріи, 20.000 рукописей и большее количество монетъ. Сверхъ того денежный капиталъ, принадлежащій Музеуму, приносилъ 800 голландскихъ червонныхъ дохода. Жаль, что въ семъ прекрасномъ заведеніи нѣтъ портретовъ Венгерцовъ, отличившихся на службѣ, въ наукахъ и художествахъ, подобно какъ сіе сдѣлано въ Милавскомъ Музеумъ.

Мы объѣхали почти весь Пестъ и Офенъ, коихъ наружность некрасива; зависимость, въ которой содержится земля сія, не позволяетъ развиться промышленности. Дома большею частію въ одно и два жилья, лавки и магазинны бѣдны, товары выспавлены безъ разбора, широкія улицы наполнены старинными колясками, везомыми дурными лошадьми; не было ни одного экипажа, сдѣланнаго со вкусомъ. Жители стояли въ два ряда по

шѣмъ улицамъ, гдѣ мы проѣзжали, встрѣчая Монарховъ громкими, радостными восклицаніями; они совсѣмъ не похожи на Пѣмцовъ и имѣющіе болѣе подобіа съ Малороссіянами, съ коими у нихъ одинаковыя военной видъ и гордая осанка.

Во дворцѣ ожидали Государя духовенство, военные, дворяне, чиновники и дамы. Императоръ явился пущь въ первый разъ въ Дѣйбъ гусарскомъ мундирѣ, что чрезвычайно понравилось Венгерцамъ, какъ знакъ уваженія къ народному ихъ одѣянію. Между военными находился Графъ Радецкій, одинъ изъ опличныхъ Австрійскихъ Генераловъ, копорый былъ начальникомъ щпаба арміи Князя Шварценберга въ послѣднихъ двухъ походахъ. Обнявъ меня, онъ сказалъ: » Я никогда не забуду этого времени, когда я служилъ съ Русскими.» Послѣ военныхъ представляли обоего пола дворянство, одно изъ блистательнѣйшихъ въ Европѣ, по древности фамилій, богатству и особенно по непоколебимой привязанности къ нравамъ и обычаямъ своего края. Въ поступи мужчинъ видна твердость характера; женщины, прекрасныя собою, были одѣты въ черныхъ платьяхъ, имѣя на головѣ діадимы и черное или бѣлое покрывало, на подо-

біе пого, которое извѣстно въ Ипаліи подѣ именемъ mezzago. Послѣ общей аудіенціи Государь принималъ въ Кабинетѣ Греческаго исповѣданія Епископа Діонисія.

Въ два часа насъ пригласили къ обѣденному столу; я сидѣлъ подлѣ Генерала Коллера, который въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сопровождалъ Наполеона изъ Фонтенблоса до мѣста его изгнанія, гдѣ онъ съ нимъ жилъ нѣсколько недѣль. Онъ мнѣ сообщилъ разныя подробности о семъ необыкновенномъ человѣкѣ; »Упрямство мое, »сказалъ ему Наполеонъ, возвело меня на »престола; я полагалъ, что мнѣ не слѣдовало измѣнятьъ моимъ правиламъ; я »хотѣлъ вполне сохранить славу мою, »хотя и зналъ, что непреклонность моя »могла стоить мнѣ престола, которымъ »я впрочемъ не дорожилъ. Я пошелъ на »Сенъ-Дизіе, продолжалъ онъ, потому »что мнѣ извѣстно было изъ двадцатилѣтнихъ опытовъ, что вы приходили »въ величайшее замѣшательство, лишь »только я опрягалъ нѣсколькихъ гусаръ »на ваши сообщенія: этакъ же разъ я »спалъ на нихъ со всею арміею, но вы »обо мнѣ мало заботились.« Подлѣ Эльбы находится небольшой островъ, никому непринадлежащій, который онъ себѣ

присвоилъ, и сказалъ при семь случаѣ Коллеру: »Когда объ этомъ узнаюиъ въ Европѣ, то закричаю, что Наполеонъ, »пожираемый спрашпю къ завоеваніямъ, »занялъ чужую обласъ; постарайпесь »меня оправдапъ.« Онъ имѣлъ слабоспъ увѣряпъ, что жители Эльбы привязаны къ нему за опеческое его управленіе; »если Франція не хотѣла имѣпъ меня »своимъ Государемъ,« говорилъ онъ, »по «я докажу здѣсь, что умѣю царшвовашъ.»

Послѣ обѣда мы опправились на высокую гору, называемую Блоксбергъ, опкуда видно большее пространство теченія Дуная. На горѣ находилпся обсерваторія, коей начальникъ, извѣспный Баварскій художникъ Рейхенбахъ, показывалъ намъ астрономическіе инструменпы. Прекрасный видъ съ Блоксберга занималъ меня болѣе, нежели разговоры профессора; мнѣ казалось, что весь дворъ былъ моего мнѣнія. Мы не успѣли возвратипъся въ замокъ, какъ насъ пригласили на придворный балъ, гдѣ особы обоого пола осыпали насъ привѣпствіями и вѣжливоспями; балъ былъ единспвенный въ своемъ родѣ по множеству Венгерскихъ одѣяній присупствовавшихъ. Женщины превзошли мое ожиданіе оп-

личнымъ своимъ воспитаніемъ; онѣ совсѣмъ непохожи на Нѣмокъ, говорятъ чиспымъ Французскимъ языкомъ, ловки, и умны; едва можно повѣришь, что онѣ достигнули такой степени образованія въ снранѣ, почитающейсѣ въ числѣ не самыхъ просвѣщенныхъ. Онѣ были въ восхищеніи оцѣ Государя, который всего болѣе панцовалъ съ молодою и прекрасною Графинею Орчи. Послѣ ужина мы ѣздили по городу, коего улицы были освѣщены разноцвѣтными огнями.

15-го Октябрия мы провели ушро на ученѣ одного коннаго полка, а послѣ большаго придворнаго обѣда насѣ пригласили на такой называемый Маргаритинъ островъ, лежащій на Дунаѣ верстахъ въ трехъ отъ Офена, куда мы поѣхали во фракахъ, при рукоплесканіи народа. Послѣ продолжительной прогулки по Англійскому саду, разведенному на островѣ, мы намѣрены были возвратиться въ городъ, но намѣ сказали, что начинается собираніе винограда. Въ эту минуцу явилось паръ пятьдесятъ молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, прекрасно одѣтыхъ въ плащя народовъ населяющихъ Венгрію. Они разсѣлись между виноградныхъ лозъ, пѣли національныя пѣсни и сръзывали ягоды,

копорья дѣвушки намъ подносили. Пошомъ показывали какимъ образомъ пригопвляюпъ вино, а послѣ мы вошли въ домъ, усроенный нарочно для принятія Монарховъ, и увидѣли съ балкона возвращеніе мнимыхъ креспьянъ, собиравшихъ винограда. Начались народныя пляски, по заключеніи коихъ дѣвушки, почти всѣ прекрасныя собою и въ цвѣпъ лѣпъ, принесли къ намъ на верхъ большую корзину винограда, украшенную гирляндю, и одна изъ нихъ привѣпспвовала Государя. Вслѣдъ за симъ вышли изъ аллеи, находившейся прошивъ балкона, на копоромъ мы спояли, двадцать паръ маленькихъ мальчиковъ и дѣвущекъ, одѣтыхъ по гусарски, копорые, выступая съ важностию, открыли Венгерской панецъ и пошомъ представляли балепъ. По окончаніи, собиравели винограда спали, взявшись за руки, по двумъ сторонамъ дороги, по копорой намъ надлежало возвращащся и подавались впередъ по мѣрѣ нашего приближенія къ берегу, гдѣ назначенныя для перееоза суда украшены были флагами союзныхъ державъ. Прелестная осенняя погода благопріятспвовала сей прогулкѣ. Ни при одномъ дворѣ не умѣюпъ пакъ хорошо усрои-

вать разнаго рода увеселенія, какъ при Австрійскомъ; на примѣръ, на Маргаритиномъ островѣ находилось не болѣе пятнадцати особъ, въ семь числъ при могущественныхъ Монарха и два брата ихъ; не взирая на то, царствовала совершенная непринужденность, и вѣжливостъ Австрійскихъ придворныхъ простиралась до такой степени, что каждый изъ посѣпителей могъ думать, что для него нарочно приготоновили сію прогулку.

Въ шесть часовъ мы поѣхали на балъ къ Графу Шандору, котораго домъ убранъ съ большимъ вкусомъ. Здѣсь находилось все дворянство, которое безпреспанно изъявляло желаніе, чтобы Государь изволилъ продлить свое пребываніе въ Венгріи. Мнѣ весьма хотѣлось, чтобы сіе желаніе ихъ исполнилось, потому что истинно дружеское ихъ обращеніе съ нами и неприщорное расположеніе къ Русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали. Поздно вечеромъ гости опсправились отъ Графа Шандора въ редушъ; тутъ, кромѣ дворянства, находимся и прочія сословія жителей, между коими было много лицъ испорченныхъ воспою, доказывавшею слабые успѣхи прививанія оной,

не смотря на благоразумныя постановленія, изданныя по сему предмету Иосифомъ вторымъ.

16-го числа поутру мы выѣхали изъ Офена. Къ сожалѣнію я не могъ поклониться гробу Великой Княгини Александры Павловны, гдѣ Государь слушалъ обѣдню, ибо мнѣ приказано было, не останавливаясь, слѣдовать въ Пресбургъ, куда я пріѣхалъ въ полночь. Жители городовъ и деревень, черезъ которые шла дорога, полагая, что я какой нибудь знатный вельможа, выходили мнѣ на встрѣчу, зажигали ракеты, звонили въ колокола и привѣтствовали меня радостными криками; въ Пресбургъ сдѣланъ мнѣ былъ такой-же пріемъ. На другой день рано я осматривалъ дворецъ, гдѣ мы остановились, и гдѣ обыкновенно собираются Государственные чины. Эрцгерцога Палапинъ, копорый какъ хозяинъ, вспалъ ранѣе всѣхъ, вѣдилъ меня самъ по огромнымъ заламъ, въ которыхъ нѣтъ ничего любопытнаго. Позолота, цинковые обои, мебель обитая бархатомъ, утомляютъ глаза; одно великолѣпіе, ежели не украшено произведеніями изящныхъ художествъ, не оставляетъ пріятныхъ

впечатлѣній въ душѣ. Государь пробылъ въ Пресбургѣ только нѣскольکو часовъ, а попому я не имѣлъ возможности оплучиться изъ дворца и только на нѣскольکو минутъ всходилъ на гору, гдѣ находилъ недавно сгорѣвшій Императорскій замокъ и отсюда открывался прелестный видъ.

Краткость времени не позволила много бесѣдовать съ людьми, копорыхъ знакомство я желалъ пріобрѣсти въ Венгріи; но нѣкопорые изъ нихъ, съ опкровенностию, свойственною благороднымъ душамъ, предупредили мое любопытство разговоромъ о различныхъ предметахъ, касающихся до ихъ правленія. Я не имѣлъ на благосклонность ихъ другаго права, кромѣ имени Русскаго, а это имя, сколько я замѣпилъ, не чуждо сердцу Венгерцовъ.» Мы неизвѣстны въ Европѣ, »сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, попому »что представляюпъ опечество наше »полудикимъ и непросвѣщеннымъ; увѣряюпъ, что у насъ нѣтъ ничего примѣчательнаго, что народъ и учрежденія наши не заслуживаюпъ вниманія; даже »дѣлаюпъ затрудненія въ выдачѣ путешественникамъ паспортовъ на проѣздъ въ Венгрію «

Съ другимъ Магнапомъ я говорилъ о правленіи Королевспива; помѣщаю его слова вмѣстѣ съ возраженіемъ. сдѣланнымъ однимъ изъ присутствовавшихъ Авспрійцевъ. « Мы наблюдаемъ строго » Конспитуцію, приняшую отъ предковъ, » сказалъ первый изъ нихъ, и не позволяемъ, чшобы въ оной сдѣлана была малѣйшая перемѣна; мы недопускаемъ изъключеній, ибо одно изъятіе повлечетъ за собою другое, и тогда мы лишимся правъ нашихъ. Мы желаемъ, чшобы насъ просили и не поперчимъ приказаній. » Иосифъ II, находя нужнымъ провести мостовую въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ, » писалъ къ чинамъ о выгодахъ, могущихъ произойти отъ того для земледѣлія и торговли, заключивъ письмо сими словами: вы должны видѣть необходимость устроенія такой дороги. Какъ! сказали чины, мы должны? мы должны дѣлать только то, что мы хотимъ, и не хотимъ строить новой дороги, потому что мы не должны оной дѣлать. Многіе изъ вельможъ, хотя и видѣли пользу предлагаемой Иосифомъ мостовой, но не рѣшились подать голоса своего въ пользу оной, говоря: ежели мы покажемъ примѣръ, то подумаютъ, что мы подкуплены! »

Генераль К. , одинъ изъ умнѣйшихъ Австрійскихъ военныхъ, услыша предметъ нашего разговора, опозвалъ меня, по окончаніи онаго, въ спорону и сказалъ мнѣ въ полголоса : « Правда, что Венгерскіе чины на всѣ предложенія Вѣнскаго двора опивѣчаютъ сначала: нѣтъ; но къ концу соглашаются обыкновенно надѣлаемыя имъ требованія. Они смотрятъ болѣе на букву, нежели на смыслъ своей Конспитуціи. Напримѣръ, въ 1809 году, они позволили вспупитъ Австрійской арміи въ Венгрію и обязались продовольствовать оную. Въ слѣдствіе того посланъ я былъ, чшобы условиться съ чинами ихъ о гошпишалахъ, на что они опивѣчали, что хотя они и приняли обязанность на себя снабжать войска, но о больныхъ не было упомянуто, и посему лазареты до нихъ не касаются. Не трудно было доказать имъ противорѣчіе. Въ томъ же году уговорено было съ ними, что они будутъ опводить кварпиры всѣмъ Австрійскимъ военнымъ чиновникамъ въ продолженіи войны. Они исполнили сіе до заключенія мира, но при прекращеніи военныхъ дѣйствій, когда арміи надлежало возвращаться, они оп-

»казались опъ содержанія поспоя, упвер-
»ждал, что срокъ договора ихъ прошель.»

Пипомцы Венгерскихъ музъ, уча-
спвуя въ общей радости согражданъ сво-
ихъ, по случаю прибытія Государя, про-
славили оное разными сочиненіями въ
Офенъ и Пресбургъ. Хотя похвалы спи-
хопворцевъ признаются давно уже вы-
мыслами лжи, и поэзія лишилась права на
достоинство исторіи, каковое, увѣряюпъ,
будпо бы она имѣла въ древности, одна-
коже пворенія Венгерскихъ пѣвцовъ бы-
ли испинными опголосками общаго мнѣ-
нія Европы на счепъ Александра. Любо-
пышно, что почти въ каждомъ изъ нихъ
упоминается о сожженіи Москвы: сія
жерпва примиренія народовъ, поразив-
шая величіемъ своимъ современниковъ,
конечно возбудитъ не меньшее удивленіе
въ потомствѣ.

Вечеромъ того же дня мы возврапи-
лися въ Вѣну.

ГЛАВА ХІ.

УВЕСЕЛЕНІЯ.— КАТАНЬЁ ВЪ САНЯХЪ.—
КАРУСЕЛЬ.— ТЕАТРЪ.— ИМПЕРАТОРЪ
ФРАНЦЪ.— КАБИНЕТЪ ЕГО.— ИМПЕРАТ-
РИЦА АВСТРІЙСКАЯ.— УГОЩЕНІЕ ВЪНСКА-
ГО ДВОРА.— ОБЪДЫ У ГОСУДАРЯ.— КА-
МЕРЪ-БАЛЫ.— ЛАГАРЦЪ.

Всякой почти день въ продолженіе Конгреса бывали при дворѣ, у пословъ, Австрійскихъ вельможъ и въ публичныхъ мѣстахъ балы и вечернія собранія, гдѣ царствовало такое веселіе, какъ будто бы давно не вели войны, хотя раны, нанесенныя ею; были еще повсюду свѣжи. Многіе порицали сію, какъ они говорили, несвоевременную разсѣянность, утверждая, что она препятствовала заниматься дѣлами съ надлежащимъ вниманіемъ. »Каково идетъ Конгресъ,« спросилъ нѣкто у Принца де Линя? — »Онъ неидетъ,« отвѣчалъ Принцъ, »а пляшетъ.« — Это

были слова, болѣе оспрыя, чѣмъ справедливыя, ежели разсмопримъ наспоаяще положеніе обспоятельствъ. Неслыханныя въ Испоріи волненія попрысали Европу въ печеніи двадцапи пяпи лѣпъ; начала, освѣщенныя вѣками, на копорыхъ опочивала незыблемость пресполовъ и взаимныя опношенія державъ, были ниспровергнушы : прошло не болѣе полугода, какъ миновалися бури, грозившія все поглотить, и чѣмъ опасность была сильнѣе, тѣмъ радость избавленія сдѣлалась ошупипельнѣе, и тѣмъ охотнѣе предавалися соединенныя на Конгресѣ лица, разнаго рода удовольствіямъ.

Вѣнской дворъ былъ неистощимъ въ изобрѣшеніи увеселеній и праздниковъ. Балы, по многочисленности своей, спановилися уже слишкомъ единообразны, почему принуждены были прибѣгнуть къ другаго рода забавамъ. Лишь только выпалъ снѣгъ, по начали приготавливать капанье въ великолѣпныхъ саняхъ, блестящихъ позолотою и сдѣланныхъ на подобіе колесницъ; но къ несчастію снѣгъ скоро сошелъ, и принуждены были опрядить множество людей, копорые собирали оный по полямъ въ корзинахъ и усыпали имъ дорогу, по коей надлежало ѣхать. Впер-

ди находился Оберъ-Шпалмейсперъ , за нимъ Императоръ Францъ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевою , попомъ Государь съ Княгинею Габріеллою Ауерсбергъ , послѣ Король Прусскій съ Великою Княгинею Маріею Павловною , и такъ далѣе. Всѣхъ саней было до пятидесяти, въ коихъ сидѣли почти исключительно владѣтельные Князья.

Послѣ сего гулянья былъ данъ карусель въ огромнѣйшемъ и самомъ красивомъ, изъ Европейскихъ, манежѣ. Сражающіеся рыцари, въ карпинной одеждѣ среднихъ вѣковъ, съ шлемами, осяняемыми перьями, принадлежали къ фамиліямъ, коихъ древность перллась во мракѣ вѣковъ; конскіе уборы соответствовали одѣянію всадниковъ. Въ особенной ложѣ сидѣли, по старинному обычаю, дамы мыслей и сердецъ рыцарей; имъ надлежало раздавать награды побѣдителямъ и онѣ были, такъ сказать, облиты драгоценными камнями въ такомъ множествѣ, каковаго я ни при одномъ дворѣ не видалъ. Зрители сего каруселя состояли почти изъ всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ современниковъ.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ устроили при дворѣ шаепрѣ, на копоромъ предспавляли

живыя картины, на примѣръ Олимпъ, Даріево семейство Лебрюна и другія, и играли Французскія комедіи; актерами были придворные. Изъ разныхъ драматическихъ сочиненій имѣли наиболѣе успѣха пѣсни прудуровъ 1148 года. Князь Антоній Радзивиль въ роляхъ преспарфлаго Блонделя, съ гипарою въ рукахъ, открылъ первое дѣйствіе пѣснею, въ которой превозносилъ красоту, любовь и славу; онъ не сходилъ со сцены, и, по мѣрѣ появленія прочихъ дѣйствующихъ лицъ, именовалъ каждое изъ оныхъ въ куплесахъ, принаровленныхъ къ ролямъ ихъ. Актеры обоюго пола пѣли относящіеся до кресповыхъ походовъ романсы, которые попомъ Графъ Вернегъ собралъ вмѣстѣ съ нотами въ особой книгѣ и поднесъ Императрицѣ Елисаветѣ Алексеевнѣ. Красавицы имѣли возможность, въ семь представленій, блеснуть своими прелестями и щегольскими нарядами, въ спаринномъ вкусѣ, и обнаружитъ дарованія свои въ музыкѣ; но болѣе чѣмъ онъ, поржеспвовалъ шутъ Французскій языкъ. Хотя главныя занятія Конгреса состояли въ томъ, чтобы уравновѣситъ силы державъ, попрясенныя революціею, хотя онъ созидалъ зданіе свое на развалинахъ Французской Имперіи, одна-

*

ко же не токмо всё сношенія его, но даже увеселенія, были на языкѣ, который писатели вѣка Людовика XIV сдѣлали всемірнымъ.

Любопытно было видѣть на сихъ празднествахъ сочепаніе людей, долгое время слѣдовавшихъ различнымъ политическимъ системамъ и служившихъ противнымъ споронамъ и, которые на Конгрессѣ должны были въ дѣлахъ спарашься согласовать свои мнѣнія, а по вечерамъ предавались одинаковаго рода удовольствіямъ. Всѣ особы владѣтельныхъ домовъ посѣщали собранія, бывавшія у Пословъ и у другихъ имениныхъ частныхъ людей, кромѣ Австрійскаго Императора, который не бывалъ ни на какихъ другихъ балахъ, исключая придворныхъ. Онъ велъ себя, какъ старшій братъ царственной Европейской семьи и неизмѣнялъ обыкновенному своему образу жизни; вставалъ въ семь часовъ, обѣдалъ въ два, вечеромъ занимался музыкою. Когда онъ объдывалъ у Государя, что случалось весьма рѣдко, то для него готовили особенныя блюда, къ которымъ онъ привыкъ. Всякой день можно было его встрѣчать въ окрестностяхъ Вѣны пѣшкомъ или въ коляскѣ, одного или съ

своею супругою, одѣлаго во фракъ или коришневомъ серпукѣ; онъ каждому изъ своихъ подданныхъ давалъ аудіенціи и говорилъ съ ними привѣпливо. Развѣ когда Министры его дѣлали на Конгресѣ какія либо особенныя прѣбыванія, или объявляли свое несогласіе на предложенія другихъ державъ, по только на сіе время онъ сказывался больнымъ и по нѣскольکو дней не выходилъ изъ комнапы. Братья его и родственники подражали скромной его жизни.

Въ одно утро пришелъ ко мнѣ единственный его Генераль-Адъютантъ Графъ Кучера и сказалъ, что Его Величество зоветь меня къ себѣ. Я послѣдовалъ за нимъ и черезъ нѣскольکو минуць меня пригласили въ кабинетъ Императора Франца, который просилъ меня по-смотришь, пакъ ли онъ надѣлъ въ первый разъ Русскій мундиръ Кекегольмскаго гренадерскаго полка, коего за нѣскольکو дней передъ тѣмъ оцъ былъ наименованъ шефомъ, и соблюдены ли имъ всѣ спрогія прѣбыванія военнаго наряда. Кабинетъ его не великъ, мебели въ ономъ просныя и древнія, камердинеры его цожилые люди и обходяпся съ нимъ вольно. Вообще при Вѣнскомъ дворѣ видно,

что находишься у спаринныхъ царей, копорые изъ уваженія къ предкамъ не дѣлаютъ ни какихъ перемѣнъ въ существующемъ порядкѣ. Возвращаясь, я смѣялся въ душѣ, какъ судьба играетъ людьми; на по ли, подумалъ я, посвящена мной молодость наукамъ, чпобъ бышь призвану на совѣщаніе — о туалепѣ!

Тогдашняя супруга Императора была самая обходительная особа изъ всей царствующей Авспрійской фамилии и, копорую Государь особенно опличалъ. Когда Его Величество принялъ на себя званіе Шефа Гиллерова полка, по оному были выданы новыя знамена, и Государь въ Авспрійскомъ мундирѣ, пошелъ со всѣми офицерами полка къ Императрицѣ и просилъ Ее, чпобъ Она прикрѣпила знамена къ древкамъ. Она отвѣчала громкимъ и пвердымъ голосомъ, обрапяся къ офицерамъ, сколь для нихъ велика честь, что Самодержецъ Всероссійскій удостоилъ полкъ бышь шефомъ онаго и, что сіе обстоятельство должно еще болѣе утвердить дружбу, существующую между обѣими державами. Привязавъ знамена, Она вновь сказала прекрасное привѣпствіе.

Угощеніе, дѣланное Австрійскимъ дворомъ Монархамъ и даже чиновникамъ, находившимся при нихъ, должно было спосишь значительныхъ издержекъ, ибо не щадили ничего, чшобы пребываніе въ Вѣнѣ было каждому пріятно. Такимъ образомъ являлся ко мнѣ ежедневно по упру придворный служитель за приказаніями на счетъ стола и на сколько приборовъ оный накрывашь; а потомъ приходилъ берейшоръ, спрашивашь какой экипажъ мнѣ нужно пригитовитъ и сколько верховыхъ лошадей, въ случаѣ ежели я вздумаю прогуливатъся съ пріятелями. Неизмѣнной и поспоянной вѣжливости всѣхъ чиновъ двора, начиная съ самыхъ почтенныхъ особъ, каковы были Князь Траупмансдорфъ и Графъ Врбна, описатъ невозможно.

У Государя бывали не рѣдко для особъ царспивующихъ домовъ обѣденные столы, на которые приглашали только трехъ изъ подданныхъ, а именно Фельдмаршаловъ: Герцога Веллингтона и Князей Шварценберга и Вреде. Даже полномочные Послы и наши полные Генералы, въ числѣ коихъ находился почтенный Доктуровъ, были исключены изъ сего об-

щества, состоявшаго обыкновенно изъ
слѣдующихъ лицъ:

1. Государь.
2. Государыня.
3. Австрійскій Императоръ.
4. Супруга его.
5. Прусскій Король.
6. Датскій Король.
7. Виртембергскій Король.
8. Баварскій Король.
9. Великая Княгиня Марія Павловна.
10. Екаперина Пав-
ловна.
11. Наслѣдный Австрійскій Принцъ.
12. Эрцгерцогъ Карлъ.
13. » Палапинъ.
14. » Антонъ.
15. » Реніе.
16. » Лудвигъ.
17. » Рудольфъ.
18. » Иоаннъ.
19. Фердинандъ.
20. Неаполитанскій Принцъ Леопольдъ.
21. Эрцгерцогиня Леопольдина.
22. Клеменпина.
23. Беатриксъ.
24. Герцогъ Албертъ Сакенъ Тешен-
скій.
25. Принцъ Прусскій Вильгельмъ.

26. Принцъ Прусскій Августъ.
27. Курфисшъ Гессенъ-Кассельскій.
28. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій.
29. Баварскій Наслѣдный Принцъ.
30. » Принцъ Карлъ.
31. Виртембергскій Наслѣдный Принцъ
32. Принцъ Ферди-
нандъ.
33. Великій Герцогъ Баденскій.
34. Герцогъ Веймарскій.
35. Дармштадтскій Наслѣдный Принцъ.
36. Герцогъ Кобургскій.
37. Принцесса Турнъ и Таксисъ.
38. Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-
Стрелицкій.
39. Кобургскій Принцъ Леопольдъ.
40. » » Фердинандъ.
41. Бывшій Вице - Король Италійскій
Евгеній.
42. Гессенъ - Гомбургскій Наслѣдный
Принцъ.
43. Филиппъ.
44. Лудвигъ.
45. Нассаускій Герцогъ.
46. » Наслѣдный Принцъ.
47. Принцъ Гессенъ - Филипсшальскій.
Три Фельдмаршала.

Когда бывали у Государя большіе объ-
ды, по каждому изъ Флигель - Адьютанъ-

товъ, находившихся при Его Величествѣ, назначалось приглашать на оный двухъ или трехъ особъ; мнѣ доспалось однажды ѣхать съ подобнымъ порученіемъ къ бывшему Вице-Королю Италійскому Евгению и одному Нѣмецкому Принцу. Коль скоро доложили обо мнѣ у перваго изъ нихъ, онъ вышелъ на встрѣчу за нѣсколько комнатъ, просилъ къ себѣ въ госпиную, благодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ: »повергни те меня къ стопамъ Его Величества.» Видя униженное его положеніе, я живо представилъ въ эту минушу превращеніе его судьбы и, погруженный въ сихъ размышленіяхъ, пріѣхалъ къ другому Принцу, который принялъ меня почти съ такими обрядами, какъ встрѣчаютъ Пословъ восточныхъ Государствъ. Когда его извѣстили о моемъ пріѣздѣ, то вдругъ опперли обѣ половины дверей многихъ горницъ, у каждаго находились лакеи, пажи и камергеры въ золотѣ, и я увидѣлъ Принца въ пятой комнатѣ, гдѣ онъ меня ожидалъ, стоя неподвижно и, не дѣлая ни шагу ко мнѣ впередъ.

Самыя примѣчательныя собранія, продолжавшіяся почти всю зиму при

дворѣ, были такъ называемые Камеръ-балы, на которые приглашали только Монарховъ, Владѣпельныхъ Князей и чиновниковъ, непосредственно принадлежавшихъ къ особамъ ихъ. Невозможно было смотрѣть безъ особеннаго любопытства на соединенныхъ въ одной комнатѣ повелителей почти всѣхъ народовъ Европы, которые на время, казалось, забыли распри, ихъ долгое время раздѣлявшія. Прежде не было въ обыкновеніи, чтобы они между собою видались, но въ Вѣнѣ совершилось противное тому, что доселѣ существовало. Монархи прибыли туда съ супругами своими, а иные и съ семействами, и между ними видно было въ вечернихъ собраніяхъ такое согласіе и единодушіе, каковаго ожидать можно было отъ особъ, соединенныхъ узами родства и, которое для блага подданныхъ ихъ не должно бы было никогда прекращаться. Здѣсь-то надлежало бытъ свидѣтелемъ благоговѣнія, вселяемаго Государемъ въ нихъ и ихъ приближенныхъ и, какъ Онъ, нисходя, такъ сказать, съ высоты могущества, на которую былъ поставленъ судьбою, заставлялъ непринужденнымъ и снисходительнымъ обращеніемъ своимъ забывать разстояніе, находившееся ме-

жду Нимъ и современниками Его; сіи послѣдніе не поспигали, какъ можно бышь споль очаровашельну тому, копорого необыкновеннымъ свойспвамъ вселенная плашила достпойную дань удивленія.

Въ сихъ собраніяхъ я встрѣчалъ между прочимъ одного чело́вѣка, копорый не будучи ни посломъ, ни вельможею, ни полководцемъ, привлекалъ однако же на себя общее вниманіе и пользовался примѣрнымъ уваженіемъ коронованныхъ главъ. Я говорю о Лагарпѣ, копорый былъ споль проспъ въ обхожденіи своемъ, какъ будто бы онъ не выходилъ изъ чреды обыкновенныхъ людей и не принадлежалъ исторіи. Во дворцѣ, гдѣ всѣ являлися въ возможномъ блескѣ, и гдѣ такъ многіе не щадили средствъ, чптобы привлечь на себя взоры, Лагарпъ спановился обыкновенно поодадь другихъ и обращался одинаковымъ образомъ съ подданными и съ повелипелами народовъ, наблюдая припомъ разспояніе, копорое, по принятымъ правиламъ или, ежели угодно, по сущеспвующимъ предразсудкамъ, порода положила между нимъ и великими сея земли. Онъ почпи каждую недѣлю обѣдалъ вдвоемъ съ Государемъ; всякой эспикетъ былъ изгнанъ изъ сихъ пріисельскихъ

объдовъ, на копорые Лагарпъ приходилъ во фракъ и сапогахъ; онъ писывалъ къ пипомцу своему записки, не рѣдко на маленькихъ лоскуткахъ бумаги, и немогъ говорити о Немъ безъ восхищенія. »Ни для одного смертнаго, сказалъ онъ мнѣ однажды, природа не была столь щедра, какъ для Александра. Я находился при Немъ, продолжалъ онъ, съ седьмаго года Его возраста и оставилъ Его спустя годъ послѣ Его бракосочетанія, въ печеніи котораго я преподавалъ Ему еще уроки вмѣстѣ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною. Съ самаго младенчества я замѣтилъ, что понятія Его были очень ясны и прочны. Я старался вселить въ Него мысль, что Онъ истинныхъ друзей имѣть неможетъ. И такъ вы полагаете, господинъ Лагарпъ, сказала мнѣ Императрица Екатерина, заславшая меня въ преподаваніи сихъ правилъ Великому Князю, что мы лишены пріятностей и наслажденій дружбы?— Не смѣю утверждать, отвѣчалъ я, чтобы многіе изъ Монарховъ не были достойны имѣть друзей, но положеніе Ваше таково, что всѣ, копорые къ Вамъ близки, имѣютъ слишкомъ великую необходимость въ Васъ, по чему говорятъ

»Вамъ большею частію то, чего не чув-
«ствуюшъ. Сими правилами, продолжалъ
»Лагарпъ, довелъ я Государя до того,
»что Онъ полагается на себя, а не на
»окружающихъ Его, и хопя въ сердцѣ
»Его есть склонность къ дружбѣ, од-
»накоже Онъ неувлекается ею.»

•

Г Л А В А XII.

Предположенный Опъездъ. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки о семъ происшествии. — Впечатлѣнiе, произведенное онымъ въ Вѣнѣ. — Первое военное совѣщанiе. — Манифестъ Конгреса. — Военный совѣтъ. — Образованiе прехъ армiй. — Россiйскiя войска. — Комиссiя о продовольствii. — Заключенiе.

При открытii Конгреса думали, что дѣла въ ономъ рѣшатся мѣсяца въ три; попомъ, опкладывалъ день за день, назначили окончанiе онаго въ исходѣ Февраля мѣсяца. Государь на возвратномъ пути въ Россiю, намѣревался посѣпить нѣкоторыя Германскiе дворы, соединенныя съ Нимъ узами родства и бышь въ Варшавѣ; почему и изготѣвили дворецъ въ семъ городѣ для пребыванiя Его Величества, но предположенiя сii не состоя-

лися, ибо внезапно, 24-го Февраля вечеромъ, разнесся слухъ, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы. Съ самой минутой полученія сего извѣстія, оно сдѣлалось единственнѣйшимъ предметомъ совѣщаній Государственныхъ людей и разговоровъ Вѣнскихъ жипселей: на гуляньяхъ, въ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и слышны были толки о семъ происшествіи. Всѣ спрашивали, встрѣчая другъ друга, подтверждается ли оно и нѣтъ ли какихъ либо дальнѣйшихъ объ ономъ подробностей; вѣсть сія произвела, можно сказать, нѣкоторое оцѣпененіе въ умахъ въ Вѣнѣ, гдѣ, въ печеніи шести мѣсяцовъ, жили посреди безпреспанныхъ веселостей. Баварскій Король, нѣкогда тѣсный союзникъ повелителя Франціи, на нѣсколько дней потерялъ аппетитъ и ходилъ какъ не свой.

Два дня прошли въ догадкахъ о томъ, гдѣ Наполеонъ выйдетъ на берегъ; одни полагали, что онъ отправится въ Америку, другіе, что онъ приспанетъ въ Неаполь; но большая часть, основываясь на неудовольствіяхъ, произведенныхъ слабымъ правленіемъ Бурбоновъ, думали, что онъ высадитъ войска свои во Франціи. Любопытство было неограниченно;

бумажныя деньги и государственныя облигаціи, сей барометръ общеспивеннаго мнѣнія въ Европѣ, повсюду измѣнялись въ свосемъ достоинствѣ; Австрійскія ассигнаціи по нѣскольку разъ въ день перемѣняли свою цѣну; Голландскій червонецъ въ двѣ недѣли возвысился ошъ одиннадцати гульденовъ до двадцати одного. Наконецъ 26-го Февраля узнали, что Наполеонъ приспалъ въ Анпибъ, и общее вниманіе обратилось на Парижъ, гдѣ, къ сожалѣнію, не было тогда Русскаго Посланника. Съ сей минуты всѣ почитали войну неизбѣжною, чтобы неподвергнуть вновь порабощенію Европу и предварить опасности, подобныя шѣмъ, копорыя съ начала революціи нарушали всемірное спокойствіе. Къ щастію, арміи еще не были распущены и положено начашъ, не теряя времени, пригосовленія къ войнѣ, въ успѣхъ копорой однако же нѣкоторыя сомнѣвались, попому что узы, соединявшія до того времени державы, опчасти ослабли на Конгресъ, гдѣ не всякой видѣлъ претребанія свои и желанія удовлетворенными. Нѣшъ сомнѣнія, что лазупчики Наполеона, находившіеся въ Вѣнѣ, увеличили въ своихъ донесеніяхъ неудовольствія, возник-

шія опть сего разногласія и, что онъ, довѣря ихъ ложнымъ показаніямъ, надѣялся найти себѣ союзниковъ на твердой землѣ. Однакоже расчетъ его оказался ошибочнымъ, потому что именно появленіе его, предвозвѣщавшее новыя напасти, заставило дворы забыть возродившіяся между ними распри и укрѣпило ихъ дружество.

Здѣсь представляется вопросъ, почему не приняты были мѣры для воспрепятствования плѣннику бѣжать съ острова Эльбы? Рѣшеніе онаго находилось въ исторіи всѣхъ заговоровъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ. Съ одной стороны хитрость сообщниковъ и непроницаемая тайна, ими соблюдаемая, а съ другой увѣренность въ невозможности удачи. На Конгрессъ многіе опасались близости мѣспребыванія Наполеона и предприимчивости его. Генераль Коллеръ, жившій съ нимъ на островѣ Эльбѣ, за четьре мѣсяца сказывалъ мнѣ, »что Наполеонъ воспользуется первымъ »удобнымъ случаемъ къ побѣгу; но надобно,« присовокупилъ онъ, »чтобы ему »представился обширный кругъ дѣйствій.« Передъ новымъ годомъ прѣзжалъ въ Вѣну бывший тайный Наполеона секретарь, которому приписываютъ сочи-

неніе извѣспной книги »о приращеніи мо-
 »гущества Россіи,» Ле Лорнъ - Дидевиль,
 съ предложеніями, коихъ нелѣпность была
 очевидна, но которыя однакоже рождали
 подозрѣніе о сущестпованіи какихъ по-
 тайныхъ замысловъ. Французскій Гене-
 раль Марсіаль, которому поручено было
 вести плѣнныхъ изъ Россіи во Францію,
 сказывалъ въ Вѣнѣ, что они, перейдя гра-
 ницу нашу, подняли знамя, на коемъ бы-
 ли изображены сіи слова: »мы съ нимъ
 »увидимся.« Теперь уже дознано, сколь
 много писемъ Бурбоны получали о намѣ-
 реніяхъ врага своего; но они пренебрегли
 оными, какъ Юлій Кесарь совѣтами
 друзей своихъ, увѣщавшихъ его, не являть-
 ся въ Сенатъ въ поспѣ день, который,
 по ихъ догадкамъ, назначенъ былъ для
 умерщвленія его. Обвинять ихъ и дру-
 гаго въ оплошности, значило бы усум-
 ниться, что провидѣніе по временамъ
 испосылаетъ кары, копорыхъ никакая
 человѣческая предусмотрительность оп-
 вратить не въ состояніи.

На другой день, послѣ полученія из-
 вѣспія о прибытіи Наполеона во Фран-
 цію, собранъ былъ военный совѣтъ, на
 копоромъ присустввовали по одному Ге-
 нералу съ Русской, Австрійской и Прус-

*

ской спороны. Они основывали разсужденія свои на трехъ слѣдующихъ предположеніяхъ: *первое*, или Наполсонъ вовсе не имѣетъ сообщниковъ во Франціи, почему онъ не будетъ въ состояніи собрать арміи и погибнетъ, что и находили въ-роятымъ, судя по опіказу Коменданша города Аншибъ перейти на его спорону. *Второе*, или онъ увѣренъ, что найдетъ значительное число преданныхъ себѣ людей, съ копорыми покоритъ роялиствъ; наконецъ *третье*, что при появленіи его вспыхнетъ всеобщій бунтъ, особенно въ Парижъ, и Король, лишась войскъ, не будетъ въ состояніи противопоставить ему никакого сопротивленія.

Каждое изъ сихъ предположеній должно было имѣть особенныя послѣдствія; почему разсудили не спѣшить соединеніемъ армій у границъ Франціи, но велѣли только находиться онымъ въ готовности, а именно: Россійскимъ войскамъ между Кракова и Калиша, Австрійскимъ на Рейнъ, Англинскимъ и Голландскимъ между Нампоромъ и Монсомъ, а Прусскимъ у Магдебурга, за исключеніемъ корпуса Генерала Клейста, копорому приказано расположиться между Майнцемъ и Луксембургомъ. Сверхъ того опредѣлили, ежели бы Ко-

роль Французскій имѣлъ достапочную армию, чпобы идти на общаго непріателя, по въ такомъ случаѣ Генералу Клейсту соединиться съ Англо - Баварскою арміею и Австрійцами, находившимся уже въ окрестностяхъ Майнца и направитъ ихъ на Парижъ; за ними вслѣдъ опрядитъ главныя силы Австрійцевъ, сосредоточивавшіяся у Майнца, а городъ сей почипаетъ главнымъ мѣстомъ вооруженія для всѣхъ армій. Въ заключеніе согласились не позволять Швейцаріи оставаться неупральною.

Не прошло пяти дней послѣ сего засѣданія, какъ извѣспились объ успѣхахъ Наполеона, дѣйствовавшего съ чрезвычайною быстротою. Въ Вѣнѣ узнали почти въ одно и тоже время о движеніи его къ Греноблю, измѣнѣ Лабедеоера, занятіи Ліона и опчаяніи Бурбоновъ, опъ копорыхъ оплагались разные корпуса войскъ одинъ за другимъ. Тогда же Испанскій Король напалъ на Австрійцевъ, безъ предварительнаго объявленія войны и опкрыпно покушеніе увезти Римскаго Короля изъ Шенбрунскаго дворца. Сии два обстоятельствова удосповѣрили еще болѣе въ обширности замысловъ Наполеона и, чпо сообщники

его находились не въ одной Франціи. Въ слѣдствіе сего уполномоченные на Конгресѣ обнародовали манифестъ, копорымъ объявляли: »что Наполеонъ нарушилъ за-»ключенные съ ними договоры, что вла-»дычество его несомѣстно съ спокой-»ствіемъ Европы и, что всѣ державы»обязуются его низложить.« Немедленно отправлены были въ пограничныя мѣста курьеры съ предписаніемъ не впускать въ предѣлы Австріи чиновниковъ, посланныхъ Наполеономъ къ первенствующимъ дворамъ съ различными предложеніями.

Чтобы привести въ исполненіе угрозы, изложенныя въ семъ манифестѣ, опредѣлили количество войскъ, которое каждое Государство должно было выставить, и назначили сборныя мѣста для оныхъ. Засѣданіе, бывшее по сему случаю въ домѣ Герцога Веллингтона, досшойно примѣчанія, какъ по единодушію мнѣній членовъ, такъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, въ ономъ принятымъ. Изъ восьми лицъ, присушествовавшихъ въ семъ совѣтѣ, было три Фельдмаршала: Веллингтонъ, Шварценбергъ и Вреде, а изъ коронованныхъ главъ только — одинъ Александръ, копорый въ начинавшейся войнѣ вновь являлся въ видѣ Агамемнона.

Опредѣлено было выславить три арміи; первую, названную арміею верхняго Рейна, подъ начальствомъ Князя Шварценберга и соспавленную изъ Австрійцевъ, Баварцевъ, Баденцовъ, Виртембергцевъ и Дармштадцевъ, коимъ надлежало расположиться между Франкфурпомъ и Базелемъ; вторую, нижняго Рейна, изъ сѣмьдесятитрехъ тысячъ Прусаковъ, подъ начальствомъ Князя Блюхера, и третью, Нидерландскую, предводимую Герцогомъ Веллингтономъ, изъ Англичанъ, Ганноверцовъ и Голландцевъ. Войска прочихъ владѣтелей Германіи имѣли бытъ распределены въ арміи Фельдмаршаловъ Блюхера и Веллингтона; сверхъ того двадцати тысячному корпусу надлежало занять крѣпость Майнцъ.

Россійская армія долженствовала соспавлять главный резервъ вооруженныхъ силъ Европы; на сей конецъ Фельдмаршалъ Барклай де Толли выступилъ изъ Царскаго Польскаго къ Рейну въ трехъ колоннахъ, въ коихъ находилось, со включеніемъ парковъ и всѣхъ лицъ къ военному управленію и обозу принадлежащихъ, двѣсти двадцать пять тысячъ семидесяти тысячъ человекъ. Въ то же время подъ начальствомъ Генерала Миллера-За-

комельскаго образовалась резервная армія изъ претѣхъ бапаліоновъ и седьмыхъ эскадроновъ полковъ, назначенныхъ дѣйствовать противъ Франціи, а для подкрѣпленія ея и содержанія въ спокойствіи прилежащихъ къ Бугу и Нѣману Губерній, въ которыхъ начали обнаруживаться непріязненныя волненія, корпусъ Князя Горчакова опряженъ былъ изъ южной арміи къ Бресту Липовскому. Кроме сего огромнаго ополченія Россіянъ, двинувшагося на защиту Европы, оснавалось еще внутри Имперіи болѣе трехъ сотъ тысячъ войскъ. Не столько многочисленность арміи нашей, бывшей въ сіе время вдвое сильнѣе нежели при началѣ опечественной войны, сколько устройство ея, предметъ постолнныхъ, ежедневныхъ заботъ Государя, возбуждало удивленіе иностранцевъ. Въ рядахъ ея находились полководцы, одержавшіе блистательныя побѣды, и частныя Генералы, коихъ имена, издавна любезныя Россіи, числились не въ однихъ спискахъ, сохраняемыхъ въ дежурствахъ, но занимали уже почетныя мѣста въ военныхъ лѣтописяхъ.

Потомъ приступили къ разсужденію о продовольствіи войскъ во время слѣ-

дованія ихъ къ Рейну; для сего учреждена была комиссія, въ которой находились Русскіе, Австрійскіе, Англинскіе и Прусскіе чиновники. Дѣйствія ея замедлялись опъ непомѣрныхъ цѣнъ, которыя требовали съ насъ различныя Нѣмецкія правительсва. Зная благородный образъ мыслей Государя, они спорговались какъ купцы, и на каждомъ шагу представляли затрудненія. Одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать Русскихъ, а другіе утверждали, что собственныя ихъ войска будущъ скоро претерпѣвають голодъ. Немного оставалось Германскихъ владѣтелей, не прибѣгавшихъ съ просьбами о избавленіи земель ихъ опъ прохода Русскихъ войскъ; хопя въ поже время они и убѣждали Государя не оставлять ихъ безъ защиты противъ общаго врага, Саксонцы присылали нарочную для сего депушацию, настаивая въ особенності, чшобы наши, во время движенія своего къ Франціи, не касались нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ Лейпцига. По заключенному условію чрезъ Виртембергію должны были проходить одни Австрійцы, но два небольшіе наши опряда какимъ-то образомъ направились чрезъ нѣкоторыя по-

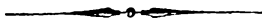
граничныя деревни сего Королевства, и нпощасъ прибыль въ Вѣну нарочный Генераль изъ Сшупгарда объявилъ рѣшительно объ отказѣ своего правительсва продовольствоватъ Русскихъ. Баварцы дѣлали всѣхъ болѣе затрудненій; одинъ изъ Министровъ ихъ писалъ: »Въ послѣднія войны пожертвованія Баваріи были пакъ для нее обременительны, чпо не успановивъ почныхъ условій на счетъ возврата денегъ за поставку продовольствія, нѣтъ возможности прѣбватъ отъ нее какого либо пособія при проходѣ Русскихъ войскъ.« Незначило ли сіе въ переводѣ: Русскіе, вы насъ спасите, и сверхъ того за наше избавленіе заплашите намъ деньги.

Приготовленія къ войнѣ замедлили окончаніе Конгреса, на которомъ Александръ довершилъ начатое Петромъ и Екатериною, упрочивъ влѣніе Россіи на прочія державы. Возспановя, съ нѣкоторыми измѣненіями пропиву прежняго, политическое равновѣсіе, сіе необходимое условіе просвѣщенія и благосостоянія народовъ, Ему надобно было для защиты онаго пропивъ Франціи вновь обнажить мечъ. Россіи, оградившей навсегда Европу съ Воспока отъ нашесп-

вія варваровъ и Турокъ и, оказавшей пѣмъ величайшую услугу челоуѣчеству, предстолять прудъ въ другой разъ избавить ее со спороны Запада опъ военного деспотизма Наполеона. Посему, опмолживъ намѣреніе свое возвратиться въ Россію, Государь рѣшился опячь, какъ и въ прошломъ году, лично предводительствовать арміями. Такимъ образомъ жребій войны былъ брошенъ. Едва начали науки развиваться подъ сѣнію мира и едва шорговля спала оживошворять долгое время стѣсненную промышленность, какъ снова опъ Уральскихъ горъ до Лиссабона дороги покрылись многочисленными арміями и восклицаніа: къ оружію! — раздалась опъ одного конца Европы до другого.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
ГЛАВА I. Приказы Наполеона и Александра.— Начало похода.— О Франціи.— Сра- женіе при Бриенѣ.— Бриенскій за- мокъ.— Различныя направленія ар- мій.— Движеніе Наполеона на Сень- Дизіе.— Перехваченная почта.— Военный совѣтъ.— Рѣшеніе идти на Парижъ	1.
II. Маршъ отъ Винни.— Сраженіе при Ферь-Шампенуазѣ.— Подвигъ Госу- даря.— Бѣлыя повязки.— Прибли- женіе къ Парижу.— Ночь наканунѣ Монмартрскаго сраженія.— Перего- ворщикъ.— Сраженіе.— Посланные Парижа	16.
III. Утро 19-го Марша.— Коленкуръ.— Отъѣздъ Государя изъ Бонди.— При- ближеніе къ Парижу.— Монмартр- ское предмѣстіе.— Бульвары.— Ели- сейскія поля.— Окончаніе смотра.— Вечеръ	27.
IV. Прокламаціи Государя и Француз- скихъ Префектовъ.— Назначеніе Ге- нерала Сакена Губернаторомъ Пари- жа.— Мпосердое обращеніе въ Па- рижъ.— Опись Государя Senato- рамъ.— Изрѣченія Государя.— Па- мятникъ на Вандомской площади.— Аполлонъ Бельведерскій	37.

- ГЛАВА V.** Замыслы Наполеона.— Переговоръ съ Маршаломъ Мармономъ.— Ошреченіе Наполеона — Шокровишельство приверженцовъ Наполеона. — Французскіе военные. — Награжденія Французовъ. — Молебень. — Лагарпъ. — Александръ въ Елисейскомъ дворцѣ . 48.
- VI.** Набожность Русскихъ.— Солданы.— Ласковое обращеніе Парижанъ. — Пріемъ Государя въ театръ. — Похвалы Государю. — Рѣчи членовъ Института. — Засѣданіе Института. — 61.
- VII.** Дюссель. — Лафаетъ. — Рамель. — Планъ возвращенія въ Петербургъ.— Мнѣнія во Франціи и Германіи. — Гемптингенъ. — Морское путешествіе. — Возвращеніе Государя въ Петербургъ. — Праздникъ въ Павловскѣ. — Отъездъ въ Вѣну. — Варшавское Герцогство. — Вѣна.— . 76.
- VIII.** Пріездъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. — Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Прибытіе на Конгрессъ разныхъ лицъ. — Талейранъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Представленіе Принцевъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса . 91.
- IX.** Праздникъ въ Аугартепъ. — Поля сраженій при Асперпъ и Ваграмъ.— Обѣдъ въ Энцирсдорфъ.— Шенбрунъ.

- Римскій Король. — Праздникъ въ Прагѣ — Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго 101.
- ГЛАВА X.** Поездка въ Венгрію. — Взглядъ на оную. — Славліе — Иремъ. — Национальный музеумъ. — Взглядъ на Офенъ и Песнѣ. — Представленіе Венгерцовъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины — Гулянье на Маргаритинномъ оспрову. — Балъ у Графа Шандора — Ошъездъ въ Пресбургъ. — Разговоръ о Венгріи. — Возраженіе. — Спихонворенія. — 111.
- XI.** Увеселенія. — Катанье въ саняхъ. — Карусель. — Театръ. — Императоръ Франць. — Кабинетъ его. — Императрица Австрійская. — Угощеніе Вѣнскаго двора. — Обѣды у Государя. — Камеръ-балы. — Лагаръ. — . 128.
- XII.** Предположенный ошъездъ. — Бѣснво Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки о семъ происшествіи. — Впечатлѣніе, произведенное онымъ въ Вѣнѣ. — Первое военное совѣщаніе. — Манифестъ Конгреса. — Военный совѣтъ. — Образование трехъ армій. — Россійскія войска. — Комиссія о продовольствіи. — Заключение. — 143.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Напечатано:</i>		<i>Читай:</i>
Спр.	Спрок.	
1	9 а потому кажешя	а потому, кажешя,
	6	Него
7	25 сполнцу вмѣсно ного	сполнцу, вмѣсто того
8	4 верхъ	верхъ
8	12 изчезъ	исчезъ
9	8 брег.	берегамъ
12	7 въ послѣдствіи ок залоя	послѣдствіи же ока- залоя
14	8 слѣду такимъ об- разомъ мы	слѣду такимъ обра- зомъ, мы
25	3 изчезаенъ	исчезаенъ
24	3 преображенскаго	Преображенскаго
25	6 а потому въ ожиданіи	а потому, въ ожиданіи
28	12 надмѣнносіи	надменности
33	9 гвардейскіе и гре- надерскіе	гвардейскій и гренадер- скій
54	22 также свѣпа, у сего	также свѣпа; у сего
57	1 прокламацій	прокламаціи
40	21 приобрести	приобрѣсти
40	27 Бріенномъ	Бріеномъ
48	1 замысль	замысли
60	9 врѣмни	времени
87	14 чпо на оной	что на сей рѣкѣ
97	24 главной кварши- ръ арміи	главной квартирмейстеру арміи,
114	10 чпо и мы Сла- вляне,	что и мы, Славяне,
154	17 заплашнше намъ деньги.	заплашнше намъ деньги?

